Научный электронный журнал «Сфера науки»

Выпуск №3
(июнь)

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№3

Июнь 2025 г.

Краснодар, 2025

Содержание

Гражданско-процессуальное право **4**
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 4
Авдеева Лилия Александровна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 10
Баранова Анастасия Максимовна

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ 15
Гульдин Денис Эдуардович

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ 21
Меленцов Артём Романович

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУД В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ 26
Никитина Юлия Николаевна

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ СУРДОПЕРЕВОДЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЛИЯНИЕ НЕУРЕГУЛИРОВАННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУРДОПЕРЕВОДЧИКА НА ЗАЩИТУ ПРАВ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 34
Стаценко Александра Игоревна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ И СТИКЕРОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 41
Талышева Елизавета Андреевна

Конституционное право **46**
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИРАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 46
Волкова Анастасия Ильинична
Поликарпов Владислав Андреевич

Уголовное право **52**
ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ 52
Балякин Кирилл Павлович
Левакина Софья Игоревна

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 176 УК РФ 58
Гораева Ульяна Сергеевна

ПРОВЕДЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 63
Новак Милена Дмитриевна
Притюхова Ксения Олеговна

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ 70
Погодаева Мария Михайловна

СКУЛШУТИНГ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРОФИЛАКТИКА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ 76
Сапоненко Ангелина Викторовна
Гульдин Денис Эдуардович

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СТРАНАХ БРИКС: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ 81
Смирнова Полина Кирилловна

УДК 347.922

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Авдеева Лилия Александровна,
студентка 3 курса
ФГБОУ ВО ТулГУ,
г. Тула, Россия,
ladevotee@inbox.ru

Аннотация: В статье исследуется институт обеспечения иска в гражданском процессе, его роль в защите прав сторон и гарантировании исполнения судебных решений. Анализируются системные проблемы процессуальной реализации данного механизма, включая отсутствие законодательного определения, нечеткость оснований для применения мер, а также риски злоупотреблений и нарушения баланса интересов участников дела. Особое внимание уделено вопросам соразмерности обеспечительных мер, доказывания их необходимости и процедуры отмены. На основе анализа норм ГПК РФ, судебной практики и доктринальных подходов выявляются противоречия между теоретическими целями института и практическими сложностями его применения.

Ключевые слова: обеспечение иска, гражданский процесс, обеспечительные меры, ГПК РФ, судебная защита, злоупотребление правом, процессуальные гарантии, исполнение судебного решения.

Институт обеспечения иска в гражданском процессе играет ключевую роль в защите прав сторон, гарантируя, что будущее судебное решение не

станет формальностью из-за действий ответчика, направленных на уклонение от исполнения обязанностей. Однако его процессуальная реализация сопряжена с рядом системных проблем, которые снижают эффективность этого механизма.

Система обеспечения иска — это значимый механизм, который используется в гражданском процессе для защиты интересов сторон в суде. Его цель — гарантировать выполнение судебного решения и предотвратить возможный ущерб, который может быть нанесен одной из сторон, если решение суда не будет исполнено.

Институт обеспечения иска урегулирован главой 13 Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК РФ) [2], однако, несмотря на название главы «обеспечение иска», вышеупомянутый кодифицированный акт не содержит данной дефиниции, что является одной из основных проблем применения мер по обеспечению иска.

С учетом того, что легальной дефиниции «обеспечения иска» в законодательстве не представлено, это позволяет выделить собственные определения науке. Так, Л.Р. Юлбердина определяет обеспечение иска как комплекс мер, которые обеспечивают выполнение судебного решения путем удовлетворения требований иска [6, с. 158]. О.В. Степанов и А.М. Емельянова определяют рассматриваемый феномен как совокупность процессуальных норм, которые направлены на охрану интересов, прав участников гражданского процесса при условии, что ответчик стремится предпринять или же предпринимает действия по уклонению от исполнения неблагоприятного для себя будущего судебного решения [5, с. 59]. Анализируя данные доктринальные определения обеспечительных мер, можно выявить отсутствие специфики назначения таких мер только судом и концентрацию на выражении интересов исключительно истца как субъекта, обладающего правом на ходатайство о принятии такого рода мер. Таким образом, дефиниции не соответствуют в полной мере ч. 1 ст. 139 ГПК РФ ввиду того, что выводят ответчика из перечня субъектов, которые имеют право также ходатайствовать

о принятии обеспечительных мер в отношении других лиц, участвующих в деле.

Принятие мер по обеспечению связано, прежде всего, с недобросовестностью того или иного лица, которое может совершить определенные действия, касающиеся предмета спора, в результате чего исполнить будущее судебное постановление будет невозможно.

Институт обеспечения иска часто рассматривается в научных кругах как гарантия выполнения окончательного решения суда, поэтому его правильной реализации придается большое значение, и она осуществляется исключительно под контролем суда. Обеспечительные меры создают условия для реальной защиты прав участников дела, однако могут также иметь негативные последствия для лица, в отношении которого они применяются. Неправильное применение этих мер может привести к нарушению или ограничению прав ответчика. В результате, даже до вынесения решения суда по существу спора, ответчик рискует оказаться в неблагоприятной ситуации, поскольку меры по обеспечению иска могут повлечь за собой материальные убытки для него.

Еще одной ключевой проблемой в рамках рассмотрения вопроса обеспечительных мер является установление основания и условий для применения обеспечительных мер в рамках определенного иска, поскольку указанное является показателем эффективности института обеспечения иска в целом.

В ст. 139, 140 ГПК РФ не содержится перечень оснований, по которым суд должен принять меры по обеспечению иска. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» закрепляется, что для принятия обеспечительных мер заявителю достаточно обосновать наличие возможности наступления последствий, предусмотренных ч. 2 ст. 139 ГПК РФ, ч. 2 ст. 90 Арбитражного

процессуального кодекса (далее — АПК РФ) [1]. При оценке доводов заявителя судам следует, в частности, иметь в виду:

– разумность и обоснованность требования заявителя о принятии обеспечительных мер;

– связь испрашиваемой обеспечительной меры с предметом заявленного требования;

– вероятность причинения заявителю значительного ущерба в случае непринятия обеспечительных мер;

– обеспечение баланса интересов сторон; предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц [4].

Также стоит подчеркнуть, что в данном постановлении отсутствуют и критерии для проверки аргументированности и обоснованности. Тем самым круг обстоятельств, которые могли бы выступать в качестве оснований для применения обеспечительных мер, а также перечень требований к доказательствам, обосновывающих факт затруднения или невозможности исполнения судебного решения, полностью предоставлены на усмотрение правоприменителя.

При рассмотрении ходатайства о применении обеспечительных мер суд обязан самостоятельно установить, насколько запрашиваемая заявителем мера соотносится с предметом требования, соразмерна ли она требованию и каким образом она будет способствовать реальному достижению целей, для которых предназначены обеспечительные меры. Однако не всегда сторона, которая инициирует принятие обеспечительных мер, действует добросовестно, поэтому для предупреждения безосновательных обращений законодателем предусмотрена норма, регулирующая за это взыскание убытков, т.е. ст. 146 ГПК РФ.

При этом, как неоднократно в своих определениях указывал Верховный Суд РФ, не могут служить основанием для принятия обеспечительных мер

доводы, имеющие предположительный характер о возможности наступления тех или иных последствий в отсутствие доказательств их реальности [3].

Установлено, что суд может применять меры обеспечения на любой стадии процесса — от первой инстанции до апелляционной, кассационной и надзорной. Суд также вправе применять меры обеспечения до возобновления производства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос отмены обеспечения иска. Ст. 144 ГПК РФ предусматривает такую возможность при изменении обстоятельств, однако на практике ответчики сталкиваются с трудностями в доказывании отсутствия оснований для дальнейшего применения мер. Суды нередко сохраняют обеспечение «на всякий случай», даже если первоначальные риски устранены. В то же время истцы, чьи требования удовлетворены, иногда сталкиваются с бюрократическими препонами при снятии мер, что затягивает процесс возврата имущества или разблокировки счетов.

Таким образом, проблемы процессуальной реализации института обеспечения иска в гражданском процессе демонстрируют системные противоречия между теоретической целью этого механизма — гарантировать исполнение будущего судебного решения — и практическими сложностями его применения. Отсутствие четких законодательных критериев для избрания мер, злоупотребления со стороны недобросовестных участников процесса могут послужить причиной нарушения прав и законных интересов граждан.

Библиографический список использованных источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46.

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2019 №301-ЭС19-861 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 25.05.2025).
5. Степанов О.В., Емельянова А.М. К вопросу о разработке дефиниции «обеспечение иска» в гражданской процессуальной науке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 12-6. — С. 58-60.
6. Юлбердина Л.Р., Терёнина Т.Ю. Анализ института обеспечения иска в гражданском процессе // Вопросы науки и образования. — 2017. — С. 158-160.

УДК 347.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Баранова Анастасия Максимовна,
Студент 3 курса
Института Права и управления
ФГБОУ Тульского Государственного университета
г. Тула, Россия,
baranovaanastasia438@gmail.com
Научный руководитель:
Дяблова Юлия Львовна,
К.ю.н., доц. каф. ПиПД
ФГБОУ Тульского государственного университета,
г. Тула, Россия

Аннотация: статья посвящена актуальным проблемам распределения судебных издержек в гражданском судопроизводстве России и предлагает пути их решения. Анализируются ключевые аспекты, включая непропорциональное распределение расходов при частичном удовлетворении исковых требований, сложности взыскания затрат на представителей, вопросы процессуального соучастия, возмещение издержек третьим лицам и особенности приказного производства. Особое внимание уделяется противоречиям в судебной практике и недостаткам законодательного регулирования. На основе проведенного исследования предлагаются меры по совершенствованию норм Гражданского процессуального кодекса РФ, направленные на повышение справедливости, предсказуемости и эффективности судебной защиты.

Ключевые слова: судебные издержки, гражданское судопроизводство, распределение расходов, процессуальное соучастие, возмещение затрат, приказное производство, судебная практика.

Судебные издержки в гражданском процессе обеспечивают баланс интересов сторон и эффективность судопроизводства. В современном российском гражданском процессе они играют ключевую роль в доступности правосудия, стимулировании добросовестного поведения и компенсации судебных затрат. Действующее законодательство, в частности ст. 98 Гражданско-процессуального кодекса РФ [1], закрепляет принцип пропорционального возмещения расходов, но его применение на практике затруднено, особенно в неимущественных делах.

Одной из наиболее острых проблем является непропорциональное распределение судебных издержек при частичном удовлетворении исковых требований. Согласно ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, расходы присуждаются истцу пропорционально удовлетворенной части иска, а ответчику — пропорционально отклоненной. Однако в делах, где требования носят неимущественный характер или не подлежат точной оценке, применение этого принципа становится затруднительным. Как отмечает О.Н. Закирова, «суд может отнести к судебным издержкам любые затраты выигравшей стороны, которая она понесла в связи с производством по конкретному делу». [2, с. 20] Тем не менее, суды зачастую либо полностью отказывают во взыскании, либо произвольно определяют долю возмещения, что нарушает баланс интересов сторон. Например, в спорах о защите деловой репутации или компенсации морального вреда суды нередко оставляют вопрос распределения расходов без четкого обоснования, ссылаясь на отсутствие объективных критериев.

Особую сложность представляет взыскание расходов на оплату услуг представителя, которое остается одним из самых дискуссионных аспектов в судебной практике. Хотя Конституционный Суд РФ в Определении от 21

декабря 2004 г. № 454-О указал, что уменьшение суммы возмещения возможно лишь при признании расходов чрезмерными [3], суды часто сокращают заявленные суммы, руководствуясь субъективным пониманием «разумности». В частности, в деле № А29-9666/2021 суд первой инстанции сократил взыскиваемые расходы с 31 250 до 20 000 руб., сославшись на принципы разумности и справедливости. Однако Верховный Суд РФ признал это решение необоснованным, указав на отсутствие мотивировки, а также на необходимость учитывать сложность дела и рыночные расценки на юридические услуги [4].

Еще одной проблемой является распределение издержек при процессуальном соучастии. Согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1, судебные расходы должны распределяться с учетом фактического поведения каждого из соучастников. Однако на практике суды не всегда учитывают степень вовлеченности каждого участника в процесс. Например, в делах о возмещении вреда при ДТП с участием причинителя вреда и страховой компании, расходы на экспертизу виновности должны возлагаться только на непосредственных участников спора о вине, а не на страховщика, оспаривающего лишь размер выплат. Однако, как показывает практика, суды нередко игнорируют этот нюанс, взыскивая издержки со всех ответчиков солидарно, что противоречит принципу справедливости.

Отдельного внимания заслуживает возмещение судебных издержек третьим лицам. В соответствии с судебной практикой, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, могут претендовать на возмещение расходов только в случае, если их действия способствовали разрешению спора. Однако критерии такой «полезности» остаются размытыми. В деле № А43-31749/2017 ВС РФ указал, что для возмещения расходов третьему лицу недостаточно формального участия в процессе — его действия должны быть направлены на защиту интересов и реально способствовать разрешению спора. [5]

При этом остается неясным, почему суд допускает третье лицо к участию в процессе, если впоследствии признает его роль избыточной. Подобная непоследовательность создает риски для добросовестных участников: следуя формальным правилам, они могут понести судебные расходы, но так и не получить их возмещения, поскольку суд сочтет их вклад незначительным.

Наконец, возникают сложности при возмещении судебных издержек в приказном судопроизводстве. Как отмечает К.В. Юдицкий, «распределение судебных расходов между сторонами при вынесении приказа не осуществляется, за исключением государственной пошлины». При этом «судебные издержки, вытекающие из факта принятия судебного приказа возмещению не подлежат ни в самом судебном приказе, ни в рамках приказного производства по отдельному заявлению о возмещении судебных расходов, ни в отдельном деле» [6, с. 118]. Это означает, что взыскатели, понесшие расходы на юридические услуги или почтовые отправления, вынуждены обращаться с отдельными исками, что противоречит принципу процессуальной экономии и усложняет защиту прав.

Таким образом, для устранения выявленных проблем в распределении судебных издержек необходима системная корректировка законодательства и судебной практики. В первую очередь, целесообразно внести изменения в ст. 98 ГПК РФ, предусмотрев более детальные критерии определения разумности расходов на представителей, а также закрепив четкие правила распределения издержек при процессуальном соучастии и в отношении третьих лиц. Кроме того, следует расширить перечень возмещаемых расходов в приказном производстве, исключив необходимость подачи отдельного иска. Реализация этих мер позволит повысить справедливость и предсказуемость судебных решений, укрепив принципы процессуальной экономии и эффективной судебной защиты.

Библиографический список использованных источников

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.
2. Закирова О.Н. Проблемы компенсации судебных расходов в процессуальном праве РФ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1. С. 18-22.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 №454-О // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. (Дата обращения: 08.05.2025 г.).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2022 N 34-КГ22-1-К3//СПС «КонсультантПлюс»
5. Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2019 N 301-ЭС19-8690 по делу N А43-31749/2017//СПС «КонсультантПлюс»
6. Юдицкий К.В. Теория и практика приказного производства // Вестник науки. 2021. Т. 2, № 5(38). С. 115-119.

УДК 347.9

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ

Гульдин Денис Эдуардович,
Студент 2 курса,
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»,
г. Омск, Россия,
allpicssimply@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе, а также актуальные проблемы их допустимости. Особое внимание уделяется вопросам идентификации, достоверности и рискам фальсификации электронных данных, а также трудностям, возникающим при их технической экспертизе.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, допустимость, электронный документ, идентификация, фальсификация, техническая экспертиза.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

1.1. Понятие и классификация электронных доказательств

В российском гражданском процессе отсутствует легальное определение «электронных доказательств» [1, с. 68]. Тем не менее, с учетом положений статьи 71 ГПК РФ, электронные документы, включая те, что подписаны электронной подписью, признаются письменными доказательствами [2]. К электронным доказательствам относятся:

1. Электронные документы, подписанные квалифицированной электронной подписью.

2. Электронные письма и сообщения, полученные через сеть Интернет.

3. Аудио- и видеозаписи, цифровые изображения.

4. Сведения, размещенные на веб-сайтах, в социальных сетях и мессенджерах.

5. Данные с электронных устройств и цифровые следы.

Таким образом, электронные доказательства представляют собой сведения о фактах в электронной форме, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела.

1.2. Законодательное регулирование и источники права

Правовое регулирование электронных доказательств в гражданском процессе осуществляется рядом нормативных актов:

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: статья 71 предусматривает возможность использования электронных документов в качестве письменных доказательств.

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»: устанавливает правовой режим электронной подписи, необходимой для подтверждения подлинности электронных документов [8].

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: регулирует вопросы, связанные с информацией в электронной форме [7].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57: разъясняет применение законодательства, регулирующего использование документов в электронной форме в деятельности судов [6].

Кроме того, судебная практика и научные исследования вносят значительный вклад в развитие правового регулирования электронных доказательств [4, с. 85].

1.3. Особенности хранения, предъявления и идентификации

Представление электронных доказательств в суд требует соблюдения определенных требований:

1. **Форма представления**: электронные документы должны быть подписаны квалифицированной электронной подписью или заверены в установленном порядке.

2. **Хранение**: необходимо обеспечить сохранность электронных доказательств, включая защиту от несанкционированного доступа и изменений.

3. **Идентификация**: важно установить подлинность электронного документа, включая проверку электронной подписи и источника происхождения.

Суд может потребовать предоставления оригинала электронного документа или его заверенной копии, а также назначить экспертизу для установления подлинности и достоверности представленных электронных доказательств.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

2.1. Критерии допустимости электронных доказательств

В соответствии со статьей 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть представлены в различных формах, включая письменные и электронные документы.

Критерии допустимости доказательств включают:

1. **Относимость**: доказательство должно подтверждать обстоятельства, имеющие значение для дела.

2. **Допустимость**: доказательство должно быть получено и представлено с соблюдением требований закона.

3. **Достоверность**: доказательство должно быть подлинным и не вызывать обоснованных сомнений в своей подлинности.

4. **Достаточность**: совокупность доказательств должна быть достаточной для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Электронные доказательства, такие как электронные документы, сообщения электронной почты, аудио- и видеозаписи, подлежат оценке на соответствие указанным критериям. Особое внимание уделяется проверке подлинности и целостности электронных документов, а также соблюдению порядка их получения и представления в суд.

2.2. Проблемы и риски: идентификация, фальсификация, техническая экспертиза

Использование электронных доказательств в гражданском процессе сопряжено с рядом проблем и рисков:

1. **Идентификация источника**: определение автора электронного документа или сообщения может быть затруднено, особенно при отсутствии квалифицированной электронной подписи.
2. **Фальсификация**: электронные документы могут быть легко изменены или подделаны без видимых следов вмешательства [3, с. 97].
3. **Техническая экспертиза**: для установления подлинности и целостности электронных доказательств может потребоваться проведение компьютерно-технической экспертизы, что увеличивает затраты времени и ресурсов.

Кроме того, отсутствие четкого законодательного регулирования порядка представления и оценки электронных доказательств создает неопределенность и может приводить к различным трактовкам в судебной практике [5].

2.3. Практические и законодательные предложения по совершенствованию

Для повышения эффективности использования электронных доказательств в гражданском процессе предлагаются следующие меры:

1. **Законодательное закрепление понятия «электронное доказательство»**: введение в ГПК РФ определения электронного доказательства и установление порядка его представления и оценки.

2. **Разработка стандартов и методик**: создание унифицированных стандартов для представления, хранения и оценки электронных доказательств, включая требования к формату и содержанию электронных документов.

3. **Обучение судей и участников процесса**: проведение обучающих мероприятий для судей, адвокатов и других участников процесса по вопросам использования электронных доказательств.

4. **Внедрение технологий обеспечения подлинности**: использование технологий, обеспечивающих проверку подлинности и целостности электронных документов, таких как блокчейн и цифровые подписи.

Реализация указанных мер позволит повысить доверие к электронным доказательствам и обеспечить более эффективное и справедливое рассмотрение гражданских дел в условиях цифровизации судебной системы.

Библиографический список использованных источников

1. Гладких А. О. Электронные доказательства в системе средств доказывания в гражданском процессе // Дневник науки. – 2024. – № 11. – С. 67–73.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025).

3. Исаков М. А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. – 2021. – Т. 3, № 5 (38). – С. 94–102.

4. Кочеткова Е. А. Об использовании электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 83–90.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
8. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

УДК 347

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Меленцов Артём Романович,
Студент 3 курса
Института права и управления
ФГБОУ Тульского государственного университета,
г. Тула, Россия,
melencov.artem@gmail.com
Научный руководитель:
Дяблова Юлия Львовна,
К.ю.н., доц. каф. ПиПД
ФГБОУ Тульского государственного университета,
г. Тула, Россия

Аннотация: Рассмотрены ключевые аспекты цифровизации гражданского судопроизводства, существенно трансформирующей традиционные формы судебной деятельности. Проанализирована электронная процедура правосудия, основанная на применении информационных технологий, рассмотрены проблемы подачи документов в цифровом формате, дистанционное участие в заседаниях и автоматизация процессуальных действий. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при внедрении цифровых инструментов, таким как технологическое неравенство регионов, ненадежность видеоконференц-связи и ограниченность автоматизированных систем в учете юридических нюансов.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровизация, доказательства, автоматизация, искусственный интеллект, трансформация, модернизация.

Гражданское судопроизводство как фундаментальный институт процессуального права играет ключевую роль в обеспечении защиты прав и законных интересов граждан и организаций в современной правовой действительности. Его значение обусловлено не только функцией разрешения споров, но и задачей поддержания стабильности гражданского оборота, укрепления законности и предупреждения правонарушений. В условиях динамично развивающегося законодательства и усложнения общественных отношений возрастает потребность в эффективном механизме судебной защиты, который отвечал бы требованиям справедливости, оперативности и доступности правосудия.

Цифровизация гражданского процесса оказывает значительное влияние на традиционные формы судопроизводства, создавая противоречивые тенденции, которые одновременно усложняют и упрощают гражданскую процессуальную форму. Как отмечают исследователи «совершенствование использования информационно-коммуникационных технологий в судебной деятельности на территории Российской Федерации характеризуется наличием существенных перспектив дальнейшего развития» [4, с. 218]. В настоящее время участникам судебного процесса доступны такие современные технические средства, как электронная подача исковых заявлений и иных документов, удаленное ознакомление с материалами дела, электронные извещения, решения судов в форме электронного документа, дистанционное участие в судебных заседаниях и другие возможности.

Одной из наиболее острых проблем цифровизации гражданского процесса является неравномерное развитие технологической инфраструктуры в различных субъектах Российской Федерации. Многолетняя статистика показывает, что из-за различных особенностей географического положения, культурных особенностей жителей, а также уровня социально-экономического развития, развитие различных регионов по всей стране происходит неравномерно. Это отражается на уровне развития

инновационного процесса. В большинстве случаев высокие значения некоторых показателей сочетаются с низкими значениями других показателей [1].

Значительные сложности возникают при реализации норм ст. 155.1 ГПК РФ о проведении судебных заседаний с использованием видеоконференц-связи [2]. Анализ Определения Верховного Суда РФ от 15.02.2022 №74-КГ21-8-К9 показывает, что технические сбои при проведении онлайн-заседаний нередко приводят к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон. Верховный Суд заключил, что Девятый кассационный суд общей юрисдикции, удовлетворив ходатайство стороны истца о рассмотрении дела с использованием систем видео-конференц-связи, при возникновении технических неполадок по своему усмотрению изменил выбранный стороной способ ведения судебного заседания, лишив её права на участие в нём [5].

Особого внимания заслуживает вопрос автоматизации процессуальных действий. Так, через сервисы «Интерактивный помощник», «Модуль определения подсудности», «Калькулятор пошлин» возможно решать вопрос принятия искового заявления к рассмотрению. Однако автоматизированные системы пока не способны в полной мере учитывать все нюансы конкретных правовых ситуаций. В частности, могут возникать проблемы с определением тождественности исков, подсудности споров и расчетом сложных случаев по уплате государственной пошлины.

Перспективным, но одновременно проблемным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта в гражданский процесс. Исследователи высказывают сомнения относительно замены судей искусственным интеллектом, однако поддерживают ее внедрения как помощника судьи. М.Д. Журавлева рассматривает искусственный интеллект как вспомогательный инструмент в гражданском судопроизводстве, подчеркивая, что его ключевая роль заключается в «практической разгрузке судебной системы в целом», а не в замене судей. Она отмечает: «ключевой смысл внедрения ИИ-систем в гражданское судопроизводство в настоящее

время заключается не столько в овладении высокими моральными качествами машиной и способностью самостоятельно выносить судебные решения, сколько в практической разгрузке судебной системы в целом» [3, с. 20]. Указ Президента РФ от 15.02.2024 N124 [6], хотя и обозначил стратегическое значение ИИ для судебной системы, не содержит конкретных механизмов его регулирования.

Таким образом, цифровизация гражданского судопроизводства, оставаясь объективным и необходимым процессом, требует сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с сохранением фундаментальных принципов правосудия. Несмотря на очевидные преимущества электронного правосудия – повышение доступности, оперативности и прозрачности судебной системы – его внедрение сталкивается с рядом системных проблем: технологическим неравенством регионов, недостаточной надежностью видеоконференц-связи, ограниченными возможностями автоматизированных систем и отсутствием четкого регулирования использования искусственного интеллекта. Для успешной цифровой трансформации гражданского процесса необходимо разработать комплексную федеральную программу, включающую стандартизацию технического оснащения судов, создание механизмов компенсации регионального неравенства, совершенствование нормативной базы в сфере электронного правосудия и внедрение гарантий защиты прав участников процесса. Только при таком подходе цифровизация сможет стать эффективным инструментом модернизации гражданского судопроизводства, обеспечивающим соблюдение баланса между технологическим прогрессом и незыблемыми принципами справедливого правосудия.

Библиографический список использованных источников

1. Абдрахманова Г. И., Артемов С. В., Бахтин П. Д. [и др.] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / под ред. Л. М. Гохберга. — Вып. 6. — М. : НИУ ВШЭ, 2020. — 264 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Журавлева М. Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1 (12). С. 20–28. DOI: 10.24411/2618-8120-2021-1-20-28.
4. Змиевский Д.В., Матросов С.Н., Медведев В.А. Развитие электронного правосудия в цивилистическом процессе // Правосудие. 2023. № 4. С. 216–219.
5. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2022 №74-КГ21-8-К9 // СПС «Гарант».
6. Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. N 124 // Собрание законодательства РФ. 2024. N 8. Ст. 1102.

УДК 347.9

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУД В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ

Никитина Юлия Николаевна,
студент 2 курса магистратуры
Института права, социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск, Россия,
yulia.nikitina773@mail.ru

Аннотация: В статье исследовано осуществление прокурором защиты интереса неопределенного круга лиц в гражданском процессе, проанализированы положения закона, регулирующие основания и порядок обращения прокурора в суд в защиту интересов общества, неопределенного круга лиц. Автором исследованы правовые категории интереса неопределенного круга лиц, общественного интереса.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, обращение в суд, предъявление иска, неопределенный круг лиц, общественный интерес, защита прав и свобод

В системе органов государственной власти прокуратура обладает особым правовым статусом и положением. С учетом классического разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную в доктрине единый подход к определению места прокуратуры в этой триаде не сформирован. Это связано прежде всего с неопределенностью действующего законодательства относительно правовой природы прокурорских органов.

Исследователи отмечают, что по вопросу определения правовой природы прокурорских органов в науке сформировалось две точки зрения:

1. Прокуратура принадлежит одной из традиционных ветвей власти или образует самостоятельную ветвь власти.

2. Прокуратура, не принадлежащая ни к одной из традиционных ветвей власти и не образуя отдельную ее ветвь, занимает особое место в системе отечественных государственных органов [1].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации прокуратура Российской Федерации обладает статусом надзорного органа, осуществляющего надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями [4]. Данное определение прокуратуры нашло отражение в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [8].

Результатом прокурорской деятельности являются ее цели, на достижение которых она направлена. Как следует из указанного в законодательстве определения прокуратуры надзор не является единственной функцией прокуратуры. К примеру, прокурор при необходимости вправе участвовать в правотворческой деятельности и обладает правом вносить предложения по внесению изменений в действующее законодательство в органы государственной власти, обладающие правотворческой инициативой [8].

Тем не менее, федеральный закон обозначает цели прокурорской деятельности, которые относятся непосредственно к функции прокурорского надзора:

1) обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности;

2) защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [8].

К.Н. Карпов сформулировал задачи прокурорского надзора следующим образом: «...своевременное и полное выявление нарушений закона, их пресечение и предупреждение; установление обстоятельств нарушения закона, и принятие мер по привлечению указанных лиц к установленной законом ответственности; фактическое восстановление по результатам прокурорских проверок нарушенных прав и свобод человека и гражданина и охраняемых законом интересов общества и государства» [3].

Для реализации целей и задач своей деятельности каждый орган государственной власти имеет конкретный объем полномочий. Одним из полномочий прокурора как должностного лица органа прокуратуры является его право на обращение в суд в защиту прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Указанным правом прокурор наделен как в силу положений Закона о прокуратуре (часть 1 статьи 35 Закона о прокуратуре) [8], так и в соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства (часть 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса РФ) [2].

При анализе действующего законодательства, регламентирующего основания и порядок обращения прокурора в суд в защиту неопределенного круга лиц, автором выявлены некоторые противоречия, несоответствие положений закона. В соответствии с частью 3 статьи 35 Закона о прокуратуре прокурор вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [8]. Закон о прокуратуре определяет обязательное условие необходимости защиты правовых интересов граждан, общества или государства, при наличии которого прокурор приобретает право на обращение в суд с заявлением.

Гражданское процессуальное законодательство право на обращение прокурора в суд с иском интерпретирует иначе и предоставляет прокурору право обратиться в суд с исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов

публично-правовых образований [2]. В гражданском процессуальном законодательстве правовая категория «интересы общества» трансформируется в «интересы неопределенного круга лиц».

Как отмечает Токарева Е.В., в науке как различают, так и отождествляют понятия «общественный интерес» и «интерес неопределенного круга лиц». Для общественного интереса характерно достижение цели, выгодной всему обществу, получение блага для «всех», тогда как интерес неопределенного круга лиц - это совокупность различных интересов каждого индивидуума, а устранение потенциальной опасности в виде нарушения закона способно одновременно защитить эти различные интересы [7].

Автору представляется, что при реализации прокурором своего полномочия на обращение в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц, результат деятельности прокурора направлен скорее на соблюдение законов поднадзорными субъектами, устранение нарушений в их деятельности, общее обеспечение законности и правопорядка, что способствует благоприятному осуществлению своих прав всеми иными лицами.

Наряду с изложенными законодательными конструкциями существует еще одно положение Закона о прокуратуре, регулирующее возможность обращения прокурора в суд в защиту общих интересов и изложенное в части 4 статьи 27 Закона о прокуратуре: «В случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, ... когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших» [8]. Данная правовая конструкция отличается от изложенных ранее по следующим основным критериям:

1) Реальный факт нарушения прав и свобод.

В приводившихся ранее положениях закона нарушение интересов лиц является абстрактным, а защита прав и свобод лиц путем пресечения правонарушения на практике носит превентивный характер. В данном же случае факт нарушения прав и свобод граждан уже состоялся и причинил им реальный ущерб.

2) Нарушение прав и свобод значительного числа граждан либо особое общественное значение правонарушения как основания обращения прокурора в суд.

Закон вводит два оценочных понятия: «значительное число граждан» и «особое общественное значение», каждое из которых является самостоятельным условием обращения прокурора в суд. При этом конкретных критериев, когда число граждан, права которых нарушены, является значительным либо при каких обстоятельствах нарушение их прав приобретает особое общественное значение, в законе не обозначено. Таким образом, формирование позиции относительно наличия или отсутствия данных обстоятельств остается на усмотрение правоприменителя.

Данную проблему ранее также поднимала Н.Р. Корешникова [5].

3) Интересы пострадавших.

В случае, когда нарушены права значительного числа граждан, прокурор предъявляет иск в интересах пострадавших. В случае с предъявлением заявления в интересах неопределенного круга лиц невозможно индивидуализировать всех субъектов, права которых нарушены или могут быть нарушены, неизвестно, являются ли данные субъекты гражданами или юридическими лицами. В соответствии же с указанной нормой прокурор обращается в суд не просто в защиту граждан, а именно в интересах пострадавших граждан. Из этого следует закономерный вывод, что по смыслу закона круг пострадавших граждан возможно индивидуализировать, поэтому прокурор в таком случае обращается с групповым иском в защиту граждан. Вместе с тем, неясна целесообразность определения прокурором круга граждан, права которых нарушены, так как в любом случае прокурор обладает

правом на обращение в суд с иском в защиту интересов неопределенного, неиндивидуализированного круга лиц в случае их нарушения.

Таким образом, Закон о прокуратуре содержит отличные от гражданского процессуального законодательства основания обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав других лиц, что нарушает единообразие норм материального права, создает юридическую коллизию.

А.В. Крайнова, Е.В. Яковенко и другие ученые указывали, что законодательством понятие неопределенного круга лиц не установлено, в связи с чем в научной литературе возникают дискуссии по данной правовой проблеме. Отсутствие легального закрепления понятий вызывает неопределенность в деятельности правоприменителей: по каким критериям возможно определить нарушение интереса неопределенного круга лиц, и, соответственно, наличие у прокурора права на обращение в суд [6, 9].

В целом в науке под неопределенным кругом лиц понимается неустановленный многочисленный состав потенциальных истцов, которых невозможно привлечь к участию в деле, но права которых могут быть нарушены противоправной деятельностью ответчика. В судебной практике при рассмотрении разных категорий спорных правоотношений были попытки дать понятие неопределенного круга лиц, но общепринятого закрепления и признания они не получили, в связи с чем судами данное понятие трактуется по-разному [6].

С целью устранения противоречий законодательства и правоприменительной практики юристы предлагают различные варианты решения проблемного вопроса: принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащее определение понятия неопределенного круга лиц [6], внесение изменений в действующее законодательство [9], наделение прокурора при подаче им заявления в суд обязанностью обосновать невозможность установления персонального состава лиц, чьи права и законные интересы были нарушены, а также

указывать четкий алгоритм действий по восстановлению ответчиком нарушенного права [5].

Несмотря на множество научных дискуссий по проблематике обращения прокурора в суд в защиту неопределенного круга лиц спорные вопросы осуществления прокурором своих полномочий в указанной сфере остаются нерешенными, имеется практическая необходимость в изменении законодательства и приведения его к единообразию.

Библиографический список использованных источников

1. Воронин О.В. К вопросу о типе и месте отечественной прокуратуры в системе органов государственной власти // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №339. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipe-i-meste-otechestvennoy-prokuratury-v-sisteme-organov-gosudarstvennoy-vlasti

2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025)

3. Карпов К.Н. Цели, задачи и объекты прокурорской деятельности // Закон и право. 2018. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-zadachi-i-obekty-prokurorskoy-deyatelnosti

4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

5. Корешникова Нелли Расуловна. К вопросу об участии прокурора в рассмотрении гражданских дел судами в интересах неопределенного круга лиц. // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchastii-prokurora-v-rassmotrenii-grazhdanskih-del-sudami-v-interesah-neopredelennogo-kruga-lits

6. Крайнова Анна Владимировна Проблемы защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Вестник ПензГУ. 2017. №2 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaschity-neopredelennogo-kruga-lits-v-grazhdanskom-protsesse

7. Токарева Е.В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.15 «Гражданский процесс, арбитражный процесс» / Токарева Е.В. Санкт-Петербург, 2015. URL: http://igpran.ru/prepare/a.persons/TokarevaEV.2/TokarevaEV.2-diss.pdf
8. Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.05.2025)
9. Яковенко Е. В. Проблемные аспекты понятия «неопределенный круг лиц» в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №9-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-ponyatiya-neopredelennyy-krug-lits-v-grazhdanskom-protsesse

УДК 347.973

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ СУРДОПЕРЕВОДЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЛИЯНИЕ НЕУРЕГУЛИРОВАННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУРДОПЕРЕВОДЧИКА НА ЗАЩИТУ ПРАВ СЛАБОСЛЫШАЩИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Стаценко Александра Игоревна,
студент 3 курса
ФГБОУ ВО ТулГУ,
г. Тула, Россия,
stats_alex@mail.ru

Аннотация: статья исследует проблемы участия сурдопереводчиков в гражданском процессе России и недостаток правового регулирования их статуса. Отсутствие четких норм закона негативно влияет на права слабослышащих граждан и их судебное участие. Автор предлагает законодательно закрепить статус сурдопереводчика, что позволит обеспечить правовую защиту этой группы.

Ключевые слова: сурдопереводчик, гражданский процесс, правовой статус, слабослышащие, судебная защита, жестовый язык, процессуальное право.

Конституция Российской Федерации, как основной гарант прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (РФ), обеспечивает всем гражданам страны равные права и свободы. Судебная защита, также обеспечена и гарантирована государством для всех граждан, вне зависимости от каких-либо физических недостатков. Гражданское судопроизводство, опираясь на принципы равенства перед законом и правомерного доступа к правосудию, гарантирует всем участникам процесса равные возможности для защиты своих прав, что в свою очередь формирует правовую среду, способствующую реализации прав и свобод человека и обеспечивающую

защиту законных интересов граждан в соответствии с Конституцией РФ и действующим законодательством.

По данным Всероссийского общества глухих, в России проживает около 13 миллионов глухих и слабослышащих людей [6]. Они не лишены дееспособности, но часто сталкиваются с трудностями в реализации своих прав и свобод в полном объеме из-за разночтений русского жестового языка (РЖЯ) и устной речи. Они также, как и слышащие граждане реализуют конституционные права и свободы, вступают в гражданско-правовые правоотношения путем заключения сделок, и следовательно, могут нуждаться в судебной защите. Для обеспечения равенства возможностей и защиты их прав законодательство предусматривает ряд специальных мер. Одной из ключевых таких мер является право на привлечение в судебное разбирательство сурдопереводчика, что позволяет гражданам с нарушениями слуха полноценно участвовать в судебных процессах и других юридических процедурах.

Однако же, в настоящее время, есть определенный круг проблем, который усложняет процедуру участия сурдопереводчика в гражданском судопроизводстве. Это и недостаток правовых норм, которые чётко определяют правовой статус сурдопереводчика в ходе процесса, и отсутствие единого мнения у судов о том, какие возможности могут быть предоставлены в ходе судебного разбирательства как слабослышащим, так и их представителям.

Неурегулированность данного вопроса в контексте гражданского судопроизводства существенным образом влияет на правовую защиту и возможности участия в судебных разбирательствах лиц с нарушениями слуха, включая слабослышащих и глухонемых граждан.

Обратим внимание, что единого понятия сурдопереводчика нет. Исходя из анализов правовых актов РФ, можно говорить о том, что сурдопереводчик – это лицо, владеющее РЖЯ и осуществляющее перевод устной речи на жестовый язык и наоборот [4]. Его правовое положение в той или иной мере

определяется ч. 5 ст. 162 ГПК РФ и напрямую отождествляется с общепризнанным статусом переводчика как «обособленно детерминированного субъекта разбирательства» [3, с. 6]. То есть, если обобщать все вышесказанное, сурдопереводчик – это лицо, способствующее реализации принципа языка судопроизводства для слабослышащих лиц в гражданском судопроизводстве.

Однако же из-за отсутствия регламентированной процедуры проведения судебного заседания при участии глухих и слабослышащих лиц, а также отсутствия далее в ГПК РФ какого-либо упоминания о «сурдопереводе» или «сурдопереводчике», единственным вариантом появления каких-либо тенденций в урегулировании данных вопросов остается накопление судебной практики. В связи с наличием вышеуказанных факторов в решениях судов по схожим обстоятельствам усматриваются расхождения, указывающие на нарушение прав слабослышащих участников процесса.

Так, например, при проведении судебных разбирательств, где один или несколько участников являются слабослышащими, судами не всегда обеспечивается право на сурдоперевод, ограничиваясь самостоятельным предварительным установлением наличия у слабослышащего лица способности читать по губам [2, с. 3]. Зачастую это происходит путем обращения суда к слабослышащему лицу в начале судебного разбирательства с вопросом о возможности понимания хода судебного разбирательства без участия сурдопереводчика РЖЯ. По нашему мнению, данный подход зачастую не соответствует законному осуществлению правосудия, даже если слабослышащий человек заявляет о своей возможности участвовать в разбирательстве без сурдопереводчика.

Это исходит из двух факторов: во-первых, ряд исследователей указывает на практическую невозможность объективно оценить умение глухого читать по губам. Для этого суду следует назначить комплексные судебно-медицинские экспертизы, которые отвечают на вопросы о возможности (невозможности) глухих участников судебного разбирательства осознавать

смысла текста или устной речи без участия сурдопереводчика. А во-вторых, даже если у лица установлена возможность читать по губам, РЖЯ абсолютно не похож на юридический жестовый язык, которым требуется оперировать для понимания слабослышащим смыслового содержания судебного заседания.

Для решения выявленной проблемы предлагается законодательно закрепить обязательность участия сурдопереводчика в гражданском процессе при проведении судебных разбирательств с участием глухих. Даже если, в дальнейшем, в ходе разбирательства слабослышащее лицо захочет отказаться от услуг сурдопереводчика в силу своей способности понимать содержание процесса, в рамках первых судебных заседаний специалист РЖЯ способен донести до участвующего лица все особенности реализуемой процедуры гражданского судопроизводства.

Также, стоит затронуть вопрос об оценке качества реализации сурдопереводчиком своих навыков. Безусловно, сурдопереводчик в судебном заседании, по общему правилу, предупреждается об ответственности за заведомо неправильный перевод. Но для суда, не обладающим навыками понимания РЖЯ, процессуальное взаимодействие в момент разбирательства между слабослышащим лицом и сурдопереводчиком не имеет никакого смыслового содержания.

Данный аспект особенно осложнен в ситуациях, когда в качестве сурдопереводчика в гражданском процессе выступают ближайшие родственники слабослышащего лица или сурдопереводчики, не оперирующие РЖЯ в специфичной юридической направленности.

Это происходит из-за отсутствия законодателем четко сформулированных требований к квалификации сурдопереводчика, участвующего в суде. На данный момент, по мнению Н.Л. Голиковой, к сурдопереводчикам предъявляются только следующие требования: достижение возраста совершеннолетия, отсутствие личной заинтересованности (что невозможно четко установить при привлечении родственника в качестве сурдопереводчика), владение языками, на которые

они переводят [1, с. 2]. Однако основная задача сурдопереводчика выходит далеко за рамки простого обеспечения понимания слабослышащим участником судебного процесса вербальной информации. В его профессиональную компетенцию входит также поддержание высокой степени точности перевода, что является критически важным для соблюдения процессуальных норм и обеспечения справедливого рассмотрения дела. А для этого, помимо знания РЖЯ, требуются познания в сфере гражданского процессуального права и российского законодательства в целом.

Стоит заметить, что на сегодняшний день уже действует ряд организаций, которые стремятся к достижению прозрачности в обучении и подготовке сурдопереводчиков для участия в судебных разбирательствах. Так, в рамках Всероссийского общества глухих создан всероссийский СурдоЦентр, который помогает в привлечении в судебный процесс не только специально обученного и аттестованного сурдопереводчика, но и имеющего определенную для предлагаемых разбирательств квалификацию [5].

По нашему мнению, такая форма деятельности организаций по подготовке сурдопереводчиков действительно позитивно влияет на процесс реализации прав слабослышащих лиц в гражданских процессуальных правоотношениях. В ходе дальнейшего реформирования процессуального законодательства, очень хотелось бы видеть дополнения статуса сурдопереводчика нормами об оценке их квалификации, о возможности прохождения регулярных аттестаций в подобных центрах обучения, о возможности полного или почти полного регулирования данной сферы законодателем и специально созданными для этого органами, учреждениями, организациями.

Таким образом, анализируя изложенные выше проблемы участия сурдопереводчика в гражданском процессе, первоначальным решением будет являться устранение пробелов в законодательном и процессуальном статусе сурдопереводчика. Внесение в ГПК РФ отдельных норм о статусе сурдопереводчика позволит проложить путь решения не только указанных

выше проблем, но и ряда других, вытекающих из них. Оптимальным решением для выработки единообразной судебной практики представляется вынесение отдельного Постановления Пленума Верховного суда РФ, определяющего понятия «сурдоперевода», процессуальных особенностей сурдопереводчика и урегулирования иных аспектов, вытекающих из факта его участия. Все это в совокупности позволит говорить о стремлении законодателя к урегулированию процедуры участия сурдопереводчика в гражданском процессе.

Библиографический список использованных источников

1. Голикова Н.Л. К вопросу участия сурдопереводчика в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. - 2025. - №3. - С. 1-5.

2. Калиничева Е.С. Защита прав глухих при совершении сделок // Вестник науки. - 2023. - №10. - С. 269-281.

3. Кузнецов О.Ю. Сурдопереводчик в системе российского процессуального права: особенности судопроизводства по делам с участием лиц с нарушениями функции слуха // Вестник Международного юридического института. - 2009. - №3

4. Постановление ЦИК России "О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации" от 29.07.2020 № 262/1933-7 // Вестник ЦИК России. - 2020 г. - № 6. - с изм. и допол. в ред. от 14.06.2023.

5. Реестр профессиональных переводчиков русского жестового языка всех регионов России. — URL: https://surdocentr.ru/reestr-perevodchikov (дата обращения: 20.05.2025)

6. Тем, кто не слышит. Инфраструктура для людей с проблемами слуха создается снизу // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/3171206 (дата обращения: 29.05.2025).

УДК 348.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ И СТИКЕРОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Талышева Елизавета Андреевна,
Студент 3 курса
Института права и управления
ФГБОУ Тульского государственного университета,
г. Тула, Россия,
talysheva.yelizaveta@mail.ru
Научный руководитель:
Дяблова Юлия Львовна,
К.ю.н., доц. каф. ПиПД
ФГБОУ Тульского государственного университета,
г. Тула, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию электронной переписки и стикеров (эмодзи) как доказательств в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются правовые аспекты их допустимости, их квалификация, требования к оформлению и проблемы подтверждения достоверности. Особое внимание уделено судебной практике, демонстрирующей противоречивые подходы к оценке таких доказательств, указываются случаи признания эмодзи выражением воли сторон. Автор обосновывает необходимость законодательного закрепления критериев допустимости цифровых доказательств и разработки методик их интерпретации.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданское судопроизводство, цифровизация, скриншоты, эмодзи, судебная практика, допустимость доказательств, письменные доказательства, нотариальное удостоверение.

Бурное развитие научно-технического прогресса и активное внедрение цифровых технологий в гражданское судопроизводство приводят к появлению принципиально новых форм доказательств, среди которых особое место занимают электронные доказательства. Эти доказательства, представляющие собой сведения о фактах в цифровой форме, стали использоваться в судебной практике сравнительно недавно, но уже превратились в неотъемлемую часть современного судебного процесса благодаря стремительной цифровизации общественных отношений, появлению электронного документооборота, дистанционных сделок и онлайн-коммуникации. Среди таких доказательств важную роль играет электронная переписка, широкое использование которой связано с цифровой эпохой и появлением новых форм делового и личного общения.

Электронная переписка становится важным средством доказывания в гражданском судопроизводстве, однако её правовая природа остается дискуссионной. Пункт 1 статьи 71 Гражданско-процессуального кодекса РФ к письменным доказательствам относит в том числе документы в цифровом и графическом формате, полученные через факсимильную, электронную связь или Интернет. Это означает, что электронная переписка может быть квалифицирована как письменное доказательство. Несмотря на это, как отмечает Ю.В. Саблина, в литературе вопросы об обоснованности подобного отнесения по-прежнему остаются открытыми [8, с. 178].

Вопрос формы представления электронной переписки также остается открытым. Чаще всего такие доказательства предоставляются в виде скриншотов, однако их допустимость не всегда признается судами. Скриншоты признаются допустимым доказательством в цивилистическом процессе, даже если они не заверены нотариально. Однако некоторые исследователи считают, что «простая распечатка скриншота без надлежащего его удостоверения и реквизитов не может быть принята судом в качестве надлежащего доказательства» [4, с. 180]. Схожей позиции придерживается и А.Н. Тошматова, уточняя, что переписку нужно предоставить в виде

читаемого документа (скриншот с почтового ящика), указав дату, время и адрес отправления сообщений [9, с. 68].

Согласно п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ, договор можно заключить через обмен электронными документами, если установлен отправитель [3]. Однако на практике переписка в мессенджерах или социальных сетях редко сопровождается квалифицированной электронной подписью, что создает сложности при доказывании ее юридической значимости.

Для подтверждения авторства, времени и места создания электронного документа могут использоваться нотариальные процедуры. В суд могут быть представлены нотариально удостоверенные протоколы осмотра письменных доказательств, предусмотренные Основами законодательства РФ о нотариате от 11.02.1993 N 4462-I.

Анализ судебной практики демонстрирует неоднозначность подходов к оценке электронных доказательств. Например, в Постановлении Суда Московского округа от 28.02.2024 №Ф05-34532/2023 скриншот электронной почты был признан допустимым доказательством, поскольку переписка велась по адресу, указанному в договоре [7]. В то же время в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу №88-21123/2024 первоначально переписка в мессенджере была отклонена из-за невозможности подтвердить личность собеседника, но кассационная инстанция отменила это решение, указав на то, что электронную переписку необязательно заверять у нотариуса, а работник вправе представлять суду любые доказательства, как наиболее слабая сторона в трудовых правоотношениях [6].

Особый интерес вызывает использование смайлов (эмодзи) в деловой переписке. В некоторых случаях суды признают эмодзи доказательством выражения воли сторон. При рассмотрении гражданских дел суды могут столкнуться с вопросом о допустимости эмодзи и стикеров в качестве доказательств. В этом контексте эмодзи могут служить фактором, подтверждающим намерения сторон. Как отмечают некоторые авторы, «при

использовании эмодзи в юридических контекстах, необходимо учитывать возможные варианты их толкования и также обеспечивать ясное соглашение об их использовании» [5, с. 94].

Анализ судебных решений демонстрирует разные подходы к оценке визуальных смайлов. В решении Торопецкого районного суда Тверской области от 11 декабря 2023 года эмодзи «Большой палец вверх» было признано доказательством согласия с условиями договора. При этом суд указал, что «смайлик большой палец вверх означает одобрительный жест. В большинстве случаев он используется для выражения одобрения по отношению к чужим действиям или высказываниям» [1]. Этот прецедент создал важный прецедент для договорного права. В то же время Тюменский областной суд в апелляционном определении от 11 декабря 2023 года по делу № 33-6492/2023 отказался признавать эмодзи «сердечко» и «рукопожатие» как неопровержимое доказательство прощения долга, указав на многозначность таких символов [2].

Электронная переписка и эмодзи играют важную роль, однако их правовой статус остается неопределенным из-за неоднозначной природы и рисков фальсификации. Для устранения этих проблем необходимо:

1) Во-первых, закрепить в законодательстве четкие критерии допустимости цифровых доказательств, такие как требования к их заверению (нотариальное удостоверение, фиксация метаданных);

2) Во-вторых, разработать рекомендации по использованию обозначений «эмодзи», а также допустить возможность привлечения эксперта-лингвиста для их расшифровки.

Таким образом, современная цифровизация гражданского судопроизводства требует пересмотра традиционных подходов к оценке доказательств, особенно в отношении электронной переписки, которая, занимая промежуточное положение между письменными и вещественными доказательствами, сталкивается с проблемами подтверждения авторства, обеспечения достоверности и толкования эмодзи.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Тверского областного суда от 25 апреля 2024 г. по делу N 33-903/2024//СПС «Гарант»
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Тюменского областного суда от 11 декабря 2023 г. по делу N 33-6492/2023// СПС «Гарант»
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Иванова Е.В. Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12(180). С. 180–182.
5. Мельник С. В., Казакова С. Р. Электронная переписка и смайлы в системе доказательств гражданского судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 91–95.
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу №88-21123/2024// СПС КонсультантПлюс»
7. Постановление Суда Московского округа от 28.02.2024 №Ф05-34532/2023 по делу №А40-26717/2023//СПС КонсультантПлюс»
8. Саблина Ю.В. СМС сообщения и переписка в мессенджерах как доказательства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022, № 2(69). С. 178–181.
9. Тошматова А. Н. Электронная переписка как доказательство в гражданском процессе//Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – С.66.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 34 (342)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИРАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Волкова Анастасия Ильинична,
студент 2 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
anastasianovember2004@gmail.com
Поликарпов Владислав Андреевич,
студент 2 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
vladpolikarpov964@gmail.com
Научный руководитель:
Отставнова Елена Александровна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е.Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
ФГБОУ ВО «СГЮА»
г. Саратов, Россия,
elenaotstavnova@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу конституционного закрепления принципов социальной политики в двух странах: Российской Федерации и Иранской республике. Выбор восточной страны был обоснован тем, что многие годы данное государство вызывает повышенный интерес ученых, в том числе, к уровню жизни иранцев. Авторами проведен анализ конкретных принципов и идей, стоящих во главе политики шахского режима, провозгласившей своей основной целью поддержку «обездоленных». В

настоящее время происходит ужесточение санкций против Ирана со стороны стран США и стран Запада, что значительно ухудшает экономическое благосостояние данного государства. В связи с этим в Республике падает уровень жизни населения, нарушается стабильность государственного строя. Для решения данной проблемы необходимо изучение социальной политики Иранской Республики, а также Российской Федерации, которая, также, столкнулась с аналогичными угрозами стабильности государства и общества, но смогла их преодолеть. В статье предложены меры по улучшению социальной политики Республики Иран, направленные на улучшение положения не защищенных слоев в обществе, развитие системы социального обслуживания, повышение эффективности системы социальной поддержки, создание действенной системы социальной защиты для бедных слоёв населения.
Ключевые слова: конституция, Иранская республика, Российская Федерация, социальная политика, незащищенные слои, принципы, борьба с бедностью.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародная голосованием 12 декабря 1993 года, закрепила основополагающие принципы развития демократического государства. Одним из них является принцип социального государства. Он реализуется через конституционные права человека, такие как: право на труд, на отдых, предоставление гарантий защиты материнства и детства, социальное обеспечение и т.д. [2]. Кроме гарантий указанных прав, Российское государство обязано создавать условия для того, чтобы его граждане могли в полной мере их реализовать.

Также необходимо отметить, что можно говорить о субсидиарном характере развития социальных прав. Это связано с тем, что государство непосредственно участвует в реализации социальных прав путем создания необходимой инфраструктуры и оказания помощи людям, нуждающимся в ней [4, с. 6].

Такая концепция получила подтверждение и в решениях Конституционного Суда РФ. К примеру, в Постановлении от 24.05.2001 N 8-П он указал на недопустимость отказа государства от выполнения в отношении отдельных категорий граждан ранее взятых на себя социальных обязательств. Это прежде всего, касается социально незащищенных слоев населения, которые самостоятельно не могут обеспечить себе достойный уровень жизни.

Данный принцип прошел длительный путь становления в Иранской Республике, поскольку в Конституции 1906 года не было упоминания о проведении социальной политики, направленной на поддержание незащищенных слоев населения.

Его развитие приходится на вторую половину XX века, когда, несмотря высокие экономические показатели страны, произошла смена политической элиты. Причиной этого стал разрыв между уровнем жизни разных слоев населения, что привело к накалу общественных отношений.

В 1970-ых годах, после исламской революции, государство кардинально сменило приоритеты в политике. Основной целью нового руководства страны стала поддержка бедных слоев населения. В дальнейшем, это отразилось и на самой Конституции, в которой впервые были введены такие права как социальное обеспечение по выслуге лет, безработице, неприятностей дорогах, право на жилье, соразмерное обеспечение потребностей иранской семьи [1].

Одной из важных мер поддержки социального населения является предоставление, даже самым бедным слоям населения, доступа к базовым коммунальным услугам. Это касается не только жилищных областей, но и интернета: компьютерами оснащены не только все городские, но и сельские школы.

В Российской Федерации показатели в этой сфере следующие: по подсчетам Министерства цифрового развития, связи, массовых коммуникаций в 2020 году сотовой связи не было в 32 тысячах населённых пунктов России, а надёжного высокоскоростного интернета — более чем в 25 тысячах.

Следующим направлением в политике Иранской Республики можно отметить финансовую поддержку малообеспеченных слоев населения. Это связано с тем, что в государстве хорошо развиты исламские благотворительные организации, вакфы, которые поддерживаются со стороны государства. Такие фонды как, Фонд обездоленных, Фонд шахидов, способствуют борьбе с ликвидацией бедности.

В Российской Федерации общественные фонды действуют на основе добровольных имущественных взносов граждан. Но, этого не хватает для того, чтобы охватить весь спектр социальных проблем. В связи с этим, необходимо расширить количество федеральных фондов. В настоящее время их насчитывается несколько, связанных с социальной политикой государства: Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (СФР), Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС).

В Иранской республике высоко развита система социального страхования. Действует очень сложная и фрагментарная система пенсионного обеспечения, обеспечивающая пенсионерам довольно высокий уровень жизни. Минимальная пенсия равна минимальной заработной плате, или около 70% от средней зарплаты по стране [3, с. 10].

В Российской Федерации есть потенциал развития пенсионной системы, но объем пенсий остается на незначительном уровне, не обеспечивающем гражданам достойный уровень жизни. Средний размер пенсии по старости составляет на 1 января 2025 года 24 тыс. рублей. Однако, замдиректора Института социальной политики Высшей школы экономики Оксана Синявская считает, что идея о том, что справедливый размер пенсии должен составлять не меньше 40% от средней зарплаты нереализуем в стране. Это обосновывается тем, что размер пенсии зависит от страхового стажа, а для обеспечения всем соответствующих выплат необходимы денежные средства. В связи с этим, дойти до 40% в ближайшем будущем невозможно.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Российская Федерация и Иранская республика ведут активную социальную политику в

области поддержки незащищенных слоев населения. Несмотря на трудности, с которыми сталкивается Иран в связи ухудшающейся экономической ситуацией в стране, когда высока вероятность сокращения бюджетных поступлений, социальные показатели пока остаются относительно высокими по международным стандартам. Российской Федерации стоит обратить внимание на меры, применяемые исламским государством в сфере социальной политики. Например, в связи с высокой скоростью цифровизации всех сфер жизни человека, стоит закрепить на законодательном уровне такой принцип в области социальной политики как, доступ к сотовой связи и интернету. А также, можно рассмотреть создание государственных фондов, целью которых будет являться поддержка социально уязвимых слоев населения.

Библиографический список использованных источников

1. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.cisemo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 13.06.2025)

2. Конституция Российской Федерации «принята всенародным голосованием 12.12.1993» «с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2021 № 6-ФКЗ, от 30.12.2022 № 7-ФКЗ, от 05.02.2022 № 2-ФКЗ, от 21.07.2022 № 11-ФКЗ» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 31. – Ст. 4398.

3. Сченснович В. Н. Историко-религиозное наследие Ирана и социальная политика страны на современном этапе // Россия и мусульманский мир. 2021. №2 (320). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-religioznoe-nasledie-irana-i-sotsialnaya-politika-strany-na-sovremennom-etape (дата обращения: 12.06.2025).

4. Шерстнева Алена Вячеславовна Конституционный принцип социального государства в Российской Федерации: историко-теоретический аспект // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-printsip-sotsialnogo-

gosudarstva-v-rossiyskoy-federatsii-istoriko-teoreticheskiy-aspekt (дата обращения: 12.06.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.21

ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Балякин Кирилл Павлович,
студент 2 курса
УФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
г. Челябинск, Россия,
kirbal20042706@gmail.com
Левакина Софья Игоревна,
студентка 2 курса
УФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
г. Челябинск, Россия,
sofya_levakina@mail.ru
Научный руководитель:
Гарбатович Денис Александрович,
к.ю.н., доцент
УФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
г. Челябинск, Россия

Аннотация: статья посвящена анализу проблем правомерного причинения смерти и вреда здоровью в состоянии необходимой обороны. Рассматриваются условия правомерности необходимой обороны, закрепленные в статье 37 УК РФ, и вопросы превышения ее пределов, ведущего к уголовной ответственности по статьям 108 и 114 УК РФ. Выявлены ключевые проблемы: неоднозначность квалификации действий обороняющегося, субъективность оценки соразмерности защиты, недостатки судебной практики и ограниченная правовая защита граждан. Предложены меры по совершенствованию законодательства и правоприменения, включая

уточнение критериев превышения пределов необходимой обороны и усиление правового просвещения.

Ключевые слова: необходимая оборона, причинение смерти, вред здоровью, превышение пределов, УК РФ, судебная практика.

Современное уголовное право Российской Федерации, основанное на принципах гуманизма и справедливости, предоставляет государству широкий спектр правовых механизмов реагирования на преступления. Так, глава 8 Уголовного кодекса РФ закрепляет обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые, несмотря на наличие формальных признаков состава преступления, признаются правомерными в силу социальной полезности (например, задержание лица, совершившего преступление) или действий в вынужденных условиях (например, крайняя необходимость).

Необходимая оборона, предусмотренная статьей 37 УК РФ, представляет собой причинение вреда посягающему лицу при защите личности, прав обороняющегося или иных лиц, а также охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства [7]. Правомерность таких действий, включая причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, обусловлена соблюдением условий: наличием посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или угрозой такого насилия (ч. 2 ст. 37 УК РФ); соразмерностью защиты характеру и опасности посягательства (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ); отсутствием провокации со стороны обороняющегося (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 19) [4].

Однако, несмотря на подробную законодательную закрепленность данного института, обобщение практики судов апелляционной и кассационной инстанций показало, что в отдельных случаях суды все же испытывают определенные трудности, связанные с применением положений статьи 37 УК РФ, которые, в свою очередь, влекут за собой отмену судебных приговоров, что и делает тему правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны актуальной и по сей день.

Обзор Верховного Суда за 2023 год показывает, что суды часто не признают действия обороняющегося совершенными в состоянии необходимой обороны, квалифицируя их как умышленное убийство (ст. 105 УК РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) [3]. При этом несоразмерность защиты, характерная для превышения пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК РФ), не всегда учитывается. Превышение пределов происходит, когда обороняющийся умышленно совершает действия, явно несоответствующие характеру и степени угрозы.

Проблема усугубляется игнорированием психологического состояния обороняющегося. Согласно пункту 14 Постановления № 19, душевное волнение (страх, паника), вызванное посягательством, может затруднять выбор соразмерных средств защиты, и такие действия не всегда являются превышением пределов [6, с. 280]. Сложности возникают и при оценке неожиданного нападения (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ), когда внезапность атаки лишает обороняющегося возможности объективно оценить угрозу. Суды нередко требуют от него рационального анализа, игнорируя рефлекторный характер действий в условиях стресса [2, с. 13].

Так, Верховный Суд РФ 24 апреля 2025 года отменил приговор Елизовского районного суда Камчатского края от 26 февраля 2024 года в отношении С., осужденной по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство мужа при превышении пределов необходимой обороны, и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Суд установил, что в ноябре 2022 года С. подверглась внезапному нападению со стороны мужа, который находясь в состоянии алкогольного опьянения, сначала угрожал удушением, затем нанес удар головой в область ее лица, после чего схватил за шею и начал душить, чем вызвал у женщины сильное душевное волнение и страх за свою жизнь. Из показаний подсудимой следует, что в момент удушения у нее не было никакой возможности вырваться или позвать на помощь. Испытывая острую боль от ударов, удушья и находясь в состоянии крайнего психоэмоционального напряжения, она

инстинктивно схватила нож и нанесла удары, стремясь прекратить смертельно опасное для нее насилие. После происшествия С. сразу попыталась оказать первую помощь мужу, позвонила дочери и вызвала скорую помощь, что свидетельствует об отсутствии у нее умысла на убийство.

Судебная коллегия подчеркнула, что выводы нижестоящих судов о восприятии подсудимой действий мужа как неопасных для жизни противоречат ее собственным показаниям, которые суд признал достоверными и ничем не опровергнутыми. Верховный Суд квалифицировал действия С. как необходимую оборону против реального посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, что исключает преступность деяния согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ. При этом было отмечено, что внезапность нападения, физическое превосходство нападавшего и вызванное этим сильное душевное волнение женщины объективно не позволяли ей точно соразмерять способы защиты с характером посягательства. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а С. реабилитирована [3].

Важно отметить, что с трудностью квалификации необходимой обороны сталкиваются не только суды, но и органы следствия. Так, распространенной ошибкой органов предварительного следствия является направление уголовных дел в суды даже в случаях, когда действия обвиняемых не содержат элементов состава преступления.

Ярким примером служит судебная практика Ярославского районного суда Ярославской области. В ноябре 2024 года рассматривалось уголовное дело по ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Подсудимый оказался жертвой нападения ночью, пострадавший напал на него в состоянии сна, применил физическую силу, включая сдавливание шеи и удары по голове. Подсудимый ответил двумя ударами, причинив нападающему повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью. Однако суд установил факт необходимый обороны, подчеркнув отсутствие намеренного преступного умысла и обоснованность предпринятых действий относительно характера агрессии. Это привело к постановлению

оправдательного приговора ввиду отсутствия состава преступления. Данный пример подчеркивает важность тщательной оценки обстоятельств происшествия органами предварительного следствия перед направлением материалов в судебные инстанции [5].

В судебной практике демонстрируется низкий уровень оправданий по делам о необходимой обороне. Это приводит к необоснованному уголовному преследованию лиц, защищавших себя или близких, и снижению доверия граждан к правосудию. Последствия включают «эффект охлаждения», когда люди избегают самозащиты из страха наказания, что увеличивает уязвимость перед посягательствами. Кроме того, такая практика противоречит принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) и затрудняет реализацию права на защиту, закрепленного в статье 37 УК РФ.

Для преодоления выявленных проблем необходимо принятие соответствующих мер, таких как установление факторов психического состояния, влияющих на способность реагирования в момент посягательства, например, состояние аффекта или наличие посттравматического стрессового расстройства, которые, в свою очередь, могут стать причиной дезорганизации мышления или фрагментарности воспоминаний, а также критериев неожиданного нападения (внезапность, отсутствие провокации, стремительность), опираясь на п. 11 и 14 Постановления № 19 [1, с. 109].

Требуется совершенствование взаимодействия между органами предварительно следствия и судами для обмена опытом и регулярного проведения совместных совещаний по поводу ключевых проблем квалификации преступлений.

Так же необходимо регулярно проводить правовое просвещение граждан о праве на необходимую оборону, ее допустимых пределах.

Эти минимальные меры обеспечат баланс между правом на защиту и предотвращением необоснованного вреда, повысив эффективность института необходимой обороны

Библиографический список использованных источников

1. Боев Д. В. Критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – №1. – С. 108-111.

2. Головко Н.В. О проблеме реализации института необходимой обороны в российской федерации // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – №12 (122). – С. 11-15

3. Определение Судебной коллеги по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 25 апреля 2025 г. по делу № 60-УД25-3-К9

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

5. Приговор Ярославского районного суда Ярославской области от 26 ноября 2025 г. по делу № 1-186/2024

6. Тхазеплов Т.М. Институт необходимой обороны: проблемы применения и пути их решения // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – №4. – С. 278-282.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025)

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 176 УК РФ

Гораева Ульяна Сергеевна,
Студент 3 курса
ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева»,
г. Екатеринбург, Россия,
uliagora@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 176 УК РФ. Рассматриваются сходства и различия между незаконным получением кредита и мошенничеством в сфере кредитования, особенности субъективной стороны, объекта и субъекта состава. Автор предлагает пути совершенствования правоприменительной практики и законодательных норм в рассматриваемой области.

Ключевые слова: кредит, незаконное получение кредита, мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, кредитор, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Ежегодно наблюдается рост числа осужденных предпринимателей. В 2022 году за преступления против собственности было осуждено 227 807 человек, а за преступления в сфере экономики — 9 841 человек. Из них только 8 — по ч. 1 ст. 176 УК РФ, и ни одного — по ч. 2 данной статьи. Эти цифры демонстрируют крайне редкое применение нормы. Возникает закономерный вопрос: почему она фактически не используется? Вероятно, она дублирует иные статьи УК РФ [1, с. 356-357].

Состав, предусматривающий ответственность за мошенничество в сфере кредитования был введен в Уголовный Кодекс РФ в 2012 г. в целях совершенствования правоприменительной деятельности и исключения

трудностей при квалификации корыстных преступлений, совершаемых в сфере кредитования [6].

Согласно ст. 159.1 УК РФ под мошенничеством в сфере кредитования понимается «хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений». Похожее определение дается в ст. 176 УК РФ: «получение кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений».

Разграничение данных составов необходимо начать с объекта. Объектом мошенничества в сфере кредитования являются отношения в сфере собственности. Предметом данного преступного посягательства могут выступать только денежные средства, которые заемщик желает получить. Необходимо отметить, что товарный кредит не охватывается данной статьей, так как заемщик получает не денежные средства, а иные вещи, хищение которых должно квалифицироваться по общей норме о мошенничестве [2, с. 180].

Потерпевшими как по ст. 176 УК РФ, так и по ст. 159.1 УК РФ могут быть банки, кредитные организации, другие кредиторы, вступившие в таком качестве в заемные отношения.

Особенность мошенничества – это способ его совершения, а именно хищение путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Данные сведения могут включать любую требуемую кредитором информацию. Представление неверных сведений предполагает только активную форму обмана, поэтому умолчание о имеющих значение для кредитора фактах без представления ложных или недостоверных сведений не может быть квалифицировано по специальной норме о мошенничестве [2, с. 181].

Момент окончания преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ наступает с появлением реальной возможности пользоваться либо распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению, в результате

чего кредитору причиняется ущерб. В отличие от ущерба при незаконном получении кредита охватывается лишь реальный имущественный ущерб.

Для определения заемщика необходимо обратиться к Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. №-353 «О потребительском кредите (займе)»: под заемщиком понимается физическое лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее потребительский кредит (заем).

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ является не только сторона кредитного договора, но и лицо, желающее его заключить и представляющее для этого необходимые сведения кредитору. Соответственно, лицо, обратившееся за получением кредита, уже должно считаться заемщиком [4, с. 49].

В ч. 1 ст. 176 УК РФ указан специальный субъект: индивидуальный предприниматель или руководитель организации. В данной статье не указывается физическое лицо как гражданин, действия которого на практике квалифицируются по ст. 159. 1 УК РФ. Однако статьи отличаются по направленности умысла: по ч. 1 ст. 176 УК РФ умысел лица направлен на совершение сделки, а по ст. 159.1 УК РФ на хищение. Таким образом, необходимо расширить круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ [1, с. 359].

Лицо, имеющее умысел на получение путем обмана кредита, с целью избежания привлечения его к уголовной ответственности по статье 176 УК РФ может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку ответственность по ст. 159.1 УК РФ наступает только в случае причинения определенного размера ущерба [5, с. 45].

По статье 176 УК РФ субъективная сторона характеризуется косвенным умыслом либо неосторожностью в виде легкомыслия и наличием цели – временное владение предметом кредитования с последующим его возвратом. Однако в ч. 2 ст. 24 УК РФ указано, что деяние, совершенное только по неосторожности, признаётся преступлением лишь в случае, когда это

специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В ст. 176 УК РФ это не предусмотрено.

О наличии умысла, направленного на мошенничество в сфере кредитования, могут свидетельствовать заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство, использование им фальшивых гарантийных писем, фиктивных учредительных документов, сокрытие информации о наличии задолженностей. В каждом конкретном случае должно быть достоверно установлено, что лицо, совершившее определенные действия, заведомо не намеревалось исполнять обязательства заемщика [3].

Таким образом, при квалификации преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ необходимо учитывать все обстоятельства дела как объективного, так и субъективного характера. Однако на практике данная уголовно-правовая норма сложно применима, в связи с чем встает вопрос об исключении данного состава из уголовного законодательства либо его изменении. Целесообразно расширение состава субъектов и уточнение признаков деяния для повышения эффективности правоприменения, что поможет устранить конкуренцию с другими статьями.

Библиографический список использованных источников

1. Бобкова С. С. Некоторые вопросы квалификации деяния, предусмотренного ст. 176 УК РФ // Вестник науки. 2023. №5 (62).

2. Воеводкина К. М. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовая характеристика, ретроспективный и сравнительно-правовой аспекты: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 236 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

4. Летников Ю. С, Тарбагаев А. Н. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 6. С. 49.

5. Лозинский И. В. К вопросу о декриминализации незаконного получения кредита / И. В. Лозинский // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под редакцией С. А. Елисеева, Л. М. Прозументова, В. А. Уткина, О. И. Андреевой, М. К. Свиридова, Н. С. Дергача. Том Часть 58. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. С. 45.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. № 6 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации»».

УДК 343.2/7

ПРОВЕДЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Притюхова Ксения Олеговна,
студент 3 курса,
ФГБОУ ВО «СПбГУ»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
Msfoks555@mail.ru
Новак Милена Дмитриевна,
студент 3 курса,
ФГБОУ ВО «СПбГУ»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
Scarwind@inbox.ru

Аннотация: статья посвящена анализу возможностей и практической значимости компьютерно-технической экспертизы, назначаемой для установления основных признаков отдельных составов мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Будут обозначены теоретические основы данного вида экспертизы, специфика производства и рассмотрена судебная практика её применения.

Ключевые слова: мошенничество, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, судебная экспертиза, компьютерная экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, эксперт, специальные знания.

Ввиду активной цифровизации процессов в обществе, распространенным явлением стало использование специальных технических средств при совершении различного рода мошенничеств, что способствует более скрытной и действенной реализации преступного умысла. Остро стоит проблема доказывания объективной стороны преступлений данной направленности, совершаемых с применением компьютерных систем, сетей и специализированного оборудования. Расследование зачастую сопряжено с трудностями при квалификации деяния, связанными со спецификой формирования и фиксации следов в цифровой среде, зачастую скрытых на уровне аппаратного обеспечения исследуемых устройств.

Данные Министерства внутренних дел России также отражают неутешительную статистику, где удельный вес преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) достигает 40% среди общего количества преступлений в 2024 году. Взаимозависимо растёт показатель тяжести зафиксированных правонарушений данного вида – на 13,1% превышает показатели 2023 года. Также прирост наблюдается в сегменте тяжких и особо тяжких преступлений этой категории – 7,8%. Кроме того, статистика за январь-апрель 2025 года демонстрирует дальнейший прирост числа зарегистрированных преступлений, связанных с использованием ИТТ или совершённых в сфере компьютерной информации на 2,6% [2].

Всё это свидетельствует о необходимости более системного подхода к выявлению, расследованию и пресечению данного вида преступлений. Классические криминалистические методы зачастую оказываются недостаточными для выявления и исследования следов мошенничества с использованием ИТТ. В этих условиях возрастает ключевая роль судебных экспертиз специалистами, обладающих необходимым арсеналом знаний. Компьютерно-техническая экспертиза (далее – КТЭ) в рамках исследуемой темы представляет собой независимое экспертное исследование аппаратных

компонентов (компьютеров, устройств, носителей), устанавливающее факт их эксплуатации для совершения преступления.

Доктринально можно выделить следующие виды экспертиз, которым зачастую подвергаются преступления в сфере ИТТ:

Аппаратно-компьютерная экспертиза: Фокусируется на исследовании именно аппаратного обеспечения (hardware) – физических компонентов компьютерных систем и периферийных устройств. Ее задача – анализ самих технических средств;

Программно-компьютерная экспертиза: Направлена на исследование программного обеспечения (software). Эксперты анализируют программы, их функционал, взаимодействие, алгоритмы;

Информационно-компьютерная экспертиза (ИКЭ, или классическая компьютерная экспертиза): Основной объект – данные (информация). Эксперты исследуют содержание файлов, базы данных, историю действий пользователя, факты наличия, удаления или модификации информации.

С точки зрения криминалистики при проведении КТЭ также важна четкая последовательность действий: назначение экспертизы, получение объектов для исследования, подготовка и изучение исходных материалов, проведение исследования объекта и извлечение информации, анализ извлеченных данных и результатов и формирование результативного экспертного заключения.

Заключение в свою очередь должно содержать развернутые выводы, перечень использованных методик и прямые ответы на вопросы, поставленные перед экспертом при назначении экспертизы [5].

Компьютерно-техническая экспертиза служит универсальным инструментом доказывания объективной стороны в различных составах преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) [6], однако зачастую именно в диспозициях ст. 159.1 УК РФ (Мошенничество в сфере кредитования) и 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации), как специфического

вида мошенничества, их значение приобретает, так называемый, характер conditio sine qua non ибо здесь сами технологии выступают орудием хищения.

В объективную сторону ст. 159.1 УК РФ входит хищение путем предоставления кредитору (банку) заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, влияющих на решение о выдаче кредита [1, с. 210]. Учитывая, что подавляющее большинство кредитных заявок зачастую подается в электронном виде через онлайн-системы банков, банковские приложения, электронную почту или иные платформы, КТЭ позволяет установить и документально подтвердить сам факт предоставления ложных сведений в цифровой форме, определяя с какого конкретного устройства (компьютера, телефона) были отправлены документы, точное время и дату отправки, а также выявляя факты создания или редактирования файлов, содержащих подложные данные (таких как поддельные сканы паспортов) именно на этом устройстве, в том числе с использованием различных программ (PDF-редакторов, графических редакторов). С помощью КТЭ выявляются технические признаки подделки: следы редактирования в метаданных файлов, например, такие как несоответствие даты создания и последнего изменения, скрытую историю версий. Более того, КТЭ необходима для установления причинно-следственной связи между действиями заемщика по предоставлению ложных сведений и наступившим последствием в виде получения суммы кредита или права распоряжаться товаром, демонстрируя как именно сведения, отправленные с этого конкретного устройства и данным электронным способом, привели к положительному решению банка и последующему переводу средств на счет заемщика. Кроме того, КТЭ помогает отграничить оконченное преступление от иных стадий (приготовления или покушения), так как сам по себе факт предоставления ложных сведений, не завершившийся получением кредита, может иметь иную квалификацию. Экспертиза фокусируется на технических деталях, определяющих стадию: например, обнаружение на устройстве подозреваемого готовых, но еще не отправленных в банк фальшивых документов, свидетельствующих о приготовлении.

Наконец, КТЭ обеспечивает идентификацию использованного технического средства и его связи с подозреваемым, доказывая, что подложные сведения были созданы, отредактированы и (или) отправлены именно с устройства, принадлежащего или находящегося под контролем обвиняемого, путем анализа учетных записей пользователя, истории логинов, сохраненных биометрических данных (отпечатки пальцев, лица), уникальных аппаратных идентификаторов (MAC-адреса сетевых карт, IMEI телефонов), а также IP-адресов, использованных для подключения к интернету в момент совершения ключевых действий.

Так, например, в деле, где лицу было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 159.1 УК РФ (мошенничестве при оформлении потребительских кредитов), было проведено более 12 видов различных экспертиз (включая КТЭ) для установления всех обстоятельств дела. Суд отдельно отметил, что проведение множества экспертиз оправдывается фактической и юридической сложностью дела, а именно: множеством эпизодов мошенничества, крупным ущербом, так как совершённое преступление относится к категории тяжких, а также отдельно – необходимостью анализа цифровых данных. КТЭ, в частности, была необходима для раскрытия деталей схемы мошенничества, для верного установления квалифицирующих признаков [4].

Помимо мошенничества в сфере кредитования, на практике распространено использование ИТТ при совершении преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Для установления события совершения объективной стороны данного состава, КТЭ позволяет подтвердить сам факт противоправного вмешательства в данные или работу информационных систем, выявляя технические следы таких действий: изменения в файлах, настройках доступа, лог-файлах, признаки использования вредоносного ПО или аппаратных модификаций, а также факты нарушения нормального функционирования систем [1, с. 226]. Не менее значима роль КТЭ в установлении конкретного способа совершения преступления,

предусмотренного диспозицией статьи – экспертиза определяет, какие именно технические действия (ввод, удаление, блокирование, модификация, иное вмешательство) были применены и с помощью каких инструментов такое вмешательство было осуществлено. Ключевое значение КТЭ имеет для доказательства причинно-следственной связи между установленным вмешательством и наступившими последствиями в виде хищения имущества или приобретения права на него. КТЭ обеспечивает идентификацию использованных технических средств (компьютеров, сетевого оборудования, носителей), устанавливая их связь с подозреваемым (через MAC-адреса, серийные номера) и подтверждая факт направленного воздействия на конкретные информационные системы.

Характерным примером вышесказанного служит дело, рассмотренное Ковровским городским судом в 2023 году [3]. Обвиняемый использовал компьютеры и мобильные средства с доступом к интернету для создания, распространения и использования вредоносных компьютерных программ, с помощью которых он получал неправомерный доступ в локальные сети различных коммерческих организаций, а именно к рабочим компьютерам их работников. Более того с помощью этих же программ данное лицо похищало денежные средства с банковских счетов данных коммерческих организаций. Его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 273 УК РФ и ч. 4 ст. 159.6 УК РФ. АО «Лаборатория Касперского» проводила КТЭ, целью которой было установление факта поступления денежных средств с банковских счетов различных фирм на банковские карты обвиняемого посредством использования вредоносного программного обеспечения. В результате проведения данной экспертизы был установлен состав преступления, и лицо понесло уголовную ответственность за совершённые противоправные деяния.

Подводя итог, можно сказать, что назначение КТЭ помогает более полно установить признаки объективной стороны (в частности составов ст. 159.1 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ), разграничить стадии преступления для точной квалификации деяния и, в целом, с юридической точки зрения проведение

КТЭ облегчает анализ специальных программных данных, что, ввиду отсутствия у следователя специальных технических знаний в данной области, позволяет оперативно установить состав преступления.

Библиографический список использованных источников

1. Ахмедов М.Н. Уголовное право России: учебное пособие в определениях, схемах и таблицах по особенной части учебной дисциплины: учебное пособие. – 2-е изд., электрон. изд. - Владимир, 2022. - 602 с.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 24.06.2025).

3. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 25.10.2023 по делу № 1-36/2023 [Электронный ресурс] / sudact.ru. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/yKACyWLbR9Zb/ (дата обращения: 24.06.2025).

4. Решение Тамбовского областного суда Тамбовской области от 08.11.2016 по делу № А-266/2016 [Электронный ресурс] / sudact.ru. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/06XUDdlthMWW/ (дата обращения: 24.06.2025).

5. Судебная компьютерно-техническая экспертиза (КТЭ) для судов и арбитражей [Электронный ресурс] / Федерация судебных экспертов. – Режим доступа: https://sud-expertiza.ru/kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza-kte-dlya-sudov-i-arbitrazhej/ (дата обращения: 24.06.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 1996. – № 25.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Погодаева Мария Михайловна,
Студентка 2 курса 40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Россия,
mariapogodaeva364@gmail.com

Аннотация: рассматривается вопрос об уголовной квалификации действий медицинских работников при причинении ими смерти по неосторожности пациентам. Определена специфика медицинской ответственности как юридической ответственности, а также уделено внимание обстоятельствам, подлежащим установлению в каждом конкретном случае при разрешении спора о наличии в действиях медицинского работника признаков преступления.

Ключевые слова: уголовное право, ятрогенные преступления, медицинская деятельность, юридическая ответственность, врачебная ошибка, несчастный случай, наказуемые упущения.

В последние годы вопросы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников становятся все более актуальными, что обусловлено рядом факторов, связанных с качеством и безопасностью медицинских услуг. Современная система здравоохранения сталкивается с серьезными вызовами, поэтому ошибки в диагностике или лечении могут привести к тяжелым последствиям для пациентов, включая ухудшение состояния здоровья, инвалидность или даже смерть. Эти обстоятельства подчеркивают

настоятельную необходимость создания четких правовых норм, регулирующих ответственность медицинского персонала, поскольку это не только способ защиты прав пациентов, но и важный шаг к обеспечению профессиональной ответственности в медицинской сфере. Здравоохранение – это не просто отрасль, а стратегически важный социальный институт, поэтому проблемы некачественного оказания медицинских услуг становятся не просто отдельными случаями, а системными вопросами, создающими общественный резонанс.

Как указывает Картавченко В.В., при оказании медицинской помощи медработники, основываясь на имеющихся узкоспециализированных знаниях и действуя в строгом соответствии с утвержденными регламентами и правилами, руководствуясь негласным принципом – «Не навреди», в некоторых случаях совершают действия, прямо или косвенно приводящие к неблагоприятным последствиям проведенных манипуляций [2, с. 212].

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрены различные составы преступлений, в число которых входят и те, в которых специальными субъектами могут выступать медицинские работники, обладающие профильным образованием. Однако наличие специального субъекта не всегда способствует корректной квалификации действий медика. На практике это может проявляться в том, что правоохранительные органы сталкиваются с трудностями, связанными с точным определением противоправности действий медицинского работника и в какой именно форме данная противоправность выражается. Такие ситуации требуют детального анализа не только самих действий врача, но и специфики медицинских процедур, что часто выходит за рамки чисто правовой экспертизы и требует привлечения иных лиц, обладающими необходимыми специальными знаниями.

Для правильной квалификации преступлений, связанных с медицинской деятельностью, необходимо установить не только сам факт противоправного деяния, но и выявить специфические признаки объективной стороны. Эти

признаки, как правило, содержатся в медицинских терминах и могут быть понятны только специалистам в данной области. Это становится серьезным препятствием для следователей и судей, которые из-за отсутствия медицинского образования зачастую не могут произвести квалифицированную оценку совершенных деяний. Исходя из этого, требуются специальные экспертизы, которые помогут выяснить, соответствовало ли медицинское вмешательство принятым стандартам и нормам качества [1, с. 117].

Кроме того, определение медицинских аспектов конкретных действий полностью возлагается на плечи специалистов-медиков, которые выступают в качестве экспертов. Это создает дополнительные сложности, так как необходимо одновременно анализировать как юридические, так и медицинские выводы. Часто среди специалистов возникают противоречивые мнения, что может приводить к затягиванию разбирательств. В результате, сотрудникам правоохранительных органов необходимо углубленное понимание специфики медицинских процедур, чтобы адекватно оценить ситуацию и добиться целей расследования. Такой комплексный подход к расследованию медицинских преступлений становится гарантом того, что решение будет вынесено правильно и в соответствии с целями уголовного правосудия.

Уголовная ответственность медицинских работников представляет собой особую разновидность юридической ответственности, которая возникает в связи с осуществлением лицом медицинской деятельности на профессиональной основе. Преступления, совершаемые медицинскими работниками, содержатся главным образом в Главе 16 УК РФ, а потому непосредственным объектом посягательств рассматриваемых преступлений, выступают жизнь и здоровье лица (пациента). Кроме того, в качестве объекта преступных посягательств можно также определить право гражданина на получение качественной медицинской помощи, право на получение безопасных медицинских услуг.

Специфика преступлений, связанных с медицинской деятельностью, действительно заключается в том, что они тесно переплетены с оказанием медицинских услуг, что определяет особый подход к их квалификации. В этой сфере важно различать, какая именно категория лиц может быть признана субъектами деяний. Для того чтобы лицо могло быть уголовно привлечено за медицинское преступление, прежде всего необходимо, чтобы это лицо обладало специальными знаниями и умениями, которые удостоверяются соответствующими документами. Эти документы могут включать дипломы о медицинском образовании, сертификаты о повышении квалификации и лицензии на осуществление медицинской практики.

Наличие у специалиста специального документа не только подтверждает его правомочия на оказание медицинских услуг, но и служит подтверждением наличия профессиональной ответственности. На основании этого удостоверения можно оценивать, соответствовало ли его поведение нормам профессиональной этики и стандартам качества. Например, хирург, имеющий все необходимые лицензии, несет юридическую ответственность за проведение операции, тогда как человек без соответствующего образования, совершивший аналогичное действие, будет квалифицирован как незаконный медицинский работник.

Ранее действовавшее законодательство приравнивало причинение смерти по неосторожности к убийству (ст.106 УК РСФСР). Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 109 УК РФ в качестве потерпевшего рассматривает исключительно пациента, то есть лицо, проходившее соответствующее лечение под присмотром виновного в совершении преступления. Объектом выступает жизнь человека.

Объективная сторона рассматриваемого преступления представлена как действиями, так и бездействиями, в результате которых пациенту был причинен вред, не совместимый с жизнью. При этом следует учитывать, что такие действия явились «предпосылкой» для действительного наступления столь тяжких последствий.

В судебно-медицинской литературе термин «неблагоприятные исходы лечения» охватывает разнообразные ситуации, возникающие в результате профессиональной деятельности медицинских работников. Эти исходы могут быть как результатом правомерных, так и неправомерных действий. Правовая оценка таких последствий становится важной не только с точки зрения защиты прав пациентов, но и в контексте обеспечения справедливости для медицинских профессионалов, которые могут оказаться в ситуации, где их действия подвергаются сомнению [3, с. 132]. Одним из наиболее спорных моментов при рассмотрении неблагоприятных исходов лечения являются врачебные ошибки. Такие ошибки могут возникать в ходе диагностики и лечения, при этом причины этих ошибок могут носить как объективный, так и субъективный характер. Например, недостаток информации о состоянии пациента, неверная интерпретация симптомов, нестабильность эмоционального состояния врача в условиях повышенной загруженности или физической усталости – все это может привести к ошибкам, имеющим серьезные негативные последствия для здоровья пациента. Даже если врач действовал добросовестно, результаты его работы могут оказаться неблагоприятными, что обостряет вопросы квалификации этих действий и их юридической оценки.

Ключевым элементом объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, является установление причинно-следственной связи между действиями врача и летальным исходом для пациента, что требует тщательного анализа обстоятельств, при которых осуществлялись медицинские услуги. Медицинский работник должен иметь все возможности для полноценного выполнения своих профессиональных обязанностей, что включает не только наличие необходимых знаний и квалификации, но и адекватные условия труда и соответствующее техническое оснащение.

Для анализа профессиональной ответственности медицинского работника в контексте законодательства, необходимо первоначально оценить

наличие у него необходимых знаний, соответствующих его специализации, опыту и профессиональной подготовке. К примеру, в случае хирургического вмешательства, врач обязан продемонстрировать не только практический опыт в выполнении данной операции, но и глубокое понимание всех потенциальных осложнений, а также строгую приверженность медицинским рекомендациям, касающимся процедуры. Если будет установлено, что врач обладал соответствующей квалификацией и знаниями, но пренебрегал установленными медицинскими правилами или действовал вне правовых норм, это может указывать на наличие у него умысла или неосторожности. Уголовная ответственность в данной ситуации возникает, когда медицинский работник осознавал последствия своих действий, противоречащих медицинским рекомендациям, и понимал, что они могут привести к серьезным негативным последствиям для здоровья или жизни пациента.

Библиографический список использованных источников

1. Воропаев А.В. Некоторые аспекты уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти по неосторожности при исполнении профессиональных обязанностей // Сибирский медицинский журнал. - 2007. - № 3. - С. 115-117.

2. Картавченко В.В. К вопросу о ятрогенных // Epomen. Global. – 2024. – № 55. – С. 212-218.

3. Нестерович И.Ю. Уголовная ответственность медицинских работников как вид юридической ответственности // Молодой ученый. - 2017. - С. 136-139.

УДК 34

СКУЛШУТИНГ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРОФИЛАКТИКА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Сапоненко Ангелина Викторовна,
Студент 2 курса,
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»,
г. Омск, Россия,
saponenko_2004@mail.ru
Гульдин Денис Эдуардович,
Студент 2 курса,
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»,
г. Омск, Россия,
allpicssimply@gmail.com

Аннотация: Скулшутинг — вооружённые нападения в образовательных учреждениях — стал серьёзной угрозой для общества и системы безопасности. В статье рассматриваются причины скулшутинга, меры профилактики и особенности уголовно-правового регулирования в России.

Ключевые слова: скулшутинг, Колумбайн, насилие, подростки, профилактика, уголовное право, террористический акт, буллинг, кибербуллинг, идеология.

Введение

Явление скулшутинга (school shooting) — вооружённые нападения в школах и других образовательных учреждениях — связано с целым рядом факторов: особенностями подростковой психики, социальными проблемами, массовой культурой, буллингом и кибербуллингом, доступом к оружию. Трагедия в школе «Колумбайн» (1999), которая породила целое движение

подражателей, стала катализатором для обсуждения причин, профилактики и уголовной ответственности за подобные акты насилия.

Объект исследования — скулшутинг как форма девиантного поведения молодежи.

Предмет — уголовно-правовые аспекты, правоприменительная практика и возможные законодательные изменения.

Цель: анализ феномена скулшутинга, его причин, социальной опасности и мер предупреждения, а также анализ уголовно-правовых аспектов, связанных с этим явлением.

1. Теоретические основы и причины скулшутинга

Скулшутинг определяется как применение вооружённого насилия [1, с. 44] в образовательных учреждениях, часто с массовыми жертвами. В российской и зарубежной практике выделяют две основных модели скулшутеров [1, с. 45]:

- «Классические» скулшутеры действуют из мести, выбирают конкретные цели среди сверстников и учителей [1, с. 45].
- «Колумбайнеры» — приверженцы идеологии хаотичного насилия [1, с. 46] без конкретных жертв, их действия зачастую носят показательный, террористический характер.

Факторы риска:

- Социальная изоляция [1, с. 47], проблемы в общении с ровесниками и учителями;
- Недостаток родительской поддержки [1, с. 48], семейные конфликты;
- Подверженность буллингу и кибербуллингу [5, с. 99];
- Легкий доступ к оружию [4, с. 88];
- Увлечение деструктивными интернет-сообществами [5, с. 97], романтизация насилия;
- Депрессивные и психические расстройства [1, с. 49].

Маркерные признаки: интерес к символике и атрибутике Колумбайна [1, с. 44], агрессивное поведение, публикация угрожающих материалов [5, с. 100] в соцсетях, интерес к оружию и террористическим материалам [6], уход в «анонимные» мессенджеры.

2. Профилактика скулшутинга

Профилактика массового насилия [4, с. 91] среди молодёжи требует многоуровневого подхода:

Первичная профилактика: массовое просвещение [4, с. 92], формирование просоциальных ценностей, развитие критического мышления, противостояние пропаганде в интернете.

Вторичная профилактика: выявление и поддержка подростков [1, с. 51] из группы риска, информирование и обучение педагогов, индивидуальное и групповое консультирование, создание поддерживающей среды [4, с. 93].

Третичная профилактика: индивидуальная работа со склонными к агрессии подростками, ресоциализация, психокоррекция [5, с. 101], взаимодействие школы, семьи и правоохранительных органов.

В зарубежной практике (США, ЕС) активно используются модели оценки угроз (например, Four-Pronged Assessment Model [4, с. 91]), профилактические программы, ограничения оборота оружия [5, с. 102], регулярные тренировки и кампании в СМИ [4, с. 94]. В России акцент делается на антитеррористические учения [3], мониторинг соцсетей [2], а также на новые стандарты безопасности (например, вооружённая охрана в школах).

Проблемы в России: недостаточная информированность педагогов, отсутствие специализированных программ, низкий уровень выявления кибербуллинга и деструктивных тенденций [5, с. 99] среди молодежи, слабое взаимодействие школы и семьи [1, с. 50].

3. Уголовно-правовое регулирование и предложения по совершенствованию

Скулшутинг в России рассматривается в первую очередь через призму статей о терроризме (205, 205.2, 205.5 УК РФ) [6]. После решения Верховного Суда РФ 2022 г. [2] движение «Колумбайн» признано террористическим. Однако в практике квалификация преступлений вызывает сложности [3]:

- Не всегда удаётся доказать мотивы террористической направленности [3];
- Часто действия скулшутеров сопровождаются совокупностью преступлений [6] (убийство, незаконное хранение оружия, экстремизм);
- Не проработаны отдельные аспекты вовлечения несовершеннолетних через интернет [4, с. 95].

Законодательные предложения:

- Дополнить статью 205.2 УК РФ [6] разъяснением, что публичное оправдание массовых убийств в образовательных учреждениях — форма оправдания терроризма.
- Ввести отягчающее обстоятельство [6] за пропаганду насилия в отношении несовершеннолетних или педагогов.
- Расширить статью 205.6 УК РФ [6] (несообщение о преступлении), ограничить «семейную оговорку» при террористических угрозах и скулшутинге.
- Ужесточить ответственность по ст. 150 УК РФ [6] за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность, включая дистанционное подстрекательство через соцсети.

Заключение

Скулшутинг — сложное явление на стыке психологии, социологии и уголовного права. Решение проблемы возможно только при объединении усилий государства, общества, образовательных учреждений и родителей. Важны раннее выявление рисков, адекватная профилактика и своевременное реагирование, а также совершенствование законодательства с учётом новых угроз цифровой эпохи.

Библиографический список использованных источников

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Психология подростков, склонных к скулшутингу // Вопросы психологии. — 2018. — № 6. — С. 44–57.

2. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 26.05.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. — 2012. — 15 февр.

4. Сапрыкин В. А. Массовая культура как фактор подростковой преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 3 (62). — С. 87–95.

5. Стародубцева М. А., Пинчук А. П., Кулаевский А. В. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность. — 2022. — № 1. — С. 96–104.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. — 1996. — № 114.

УДК 343.2/.7

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СТРАНАХ БРИКС: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Смирнова Полина Кирилловна,
Студент 1 курса,
Калужский институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Калуга, Россия,
pksmirnova40@ gmail.com

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу актуальных проблем, с которыми сталкиваются юридические системы государств, входящих в объединение БРИКС. Особое внимание уделяется вопросам коррупции, транснациональной преступности, терроризма и киберпреступности, для решения которых требуется комплексный подход и международное сотрудничество. Автор также анализирует различия в правовых системах и традициях, эффективность существующих механизмов правоприменения и в то же время перспективы развития уголовного права в странах БРИКС с учётом современных вызовов и необходимости адаптации норм к правовым реалиям.

Ключевые слова: уголовное право, страны БРИКС, правоприменение, глобализация, адаптация норм, правовые нормы, вызовы, решения.

Группа БРИКС, которая состоит из ряда стран, включая Россию, объединяет государства с различными правовыми системами, культурными традициями и экономическими условиями. В обстоятельствах глобализации и

стремительных изменений в социальной, политической и экономической сферах страны БРИКС сталкиваются с новыми угрозами и вызовами, которые требуют не только адаптации существующих уголовных норм, но и разработки более современных подходов к правоприменению и сотрудничеству на международном уровне. В России основным документом в сфере уголовного права, является Уголовный Кодекс Российской Федерации, который выступает единственным правовым актом, определяющим, какие действия считаются преступными и какие наказания за них предусмотрены [1]. Однако важно учитывать, что каждая из стран БРИКС имеет свои уникальные особенности в области уголовного права, что создает как возможности для обмена опытом, так и трудности в унификации подходов к борьбе с преступностью.

В число стран, относящихся к составу БРИКС, входят Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет и Индонезия, каждая из которых представляет собой группу экономик, демонстрирующих значительный рост и развитие на международной арене [3, с. 75]. Однако, с увеличением этого роста возникает все больше новых вызовов для уголовного права, одним из которых является глобализация, способствующая росту транснациональной преступности, а также ускорению процессов интеграции и взаимосвязанности на международной арене. Этот феномен, в свою очередь, создает благоприятные условия для распространения преступных групп, которые действуют на международном уровне и характеризуются своей многоуровневой структурой и способностью адаптироваться к различным правовым системам. Преступные организации способны легко осуществлять свои операции через границы стран, используя различия в законодательстве и слабые точки правоохранительных систем, что создает значительные трудности для государств БРИКС, которые должны не только защищать свои внутренние рынки и граждан от угроз преступности, но и эффективно реагировать на международные вызовы. В условиях глобализации страны, входящие в союз, сталкиваются с необходимостью более тесного

сотрудничества в области уголовного права и правоохранительных органов. Эффективная борьба с транснациональной преступностью требует более качественного обмена информацией о криминальных сетях, методах работы преступников и новых тенденциях в области преступности. Ключевым аспектом такого сотрудничества является необходимость приведения к гармонизации законодательства стран-участниц, так как различия в уголовных кодексах, процедурах расследования и правоприменительных практиках могут стать препятствием для эффективного взаимодействия [4, с. 18-20].

С развитием технологий и увеличением зависимости общества от цифровых систем возникает еще одна проблема для уголовного права в странах БРИКС – угроза киберпреступности, которая затрагивает все сферы жизни общества, от финансов и здравоохранения до образования и государственной безопасности. Киберпреступность включает в себя широкий спектр незаконных действий, таких как хакерские атаки, кража личных данных, фишинг и так далее, что создает значительные вызовы для стран БРИКС. Одной из основных проблем, с которой сталкиваются страны-участницы, является отсутствие единого подхода к кибербезопасности, так как различия и уникальность каждой из правовых систем, включая уголовное законодательство, значительно затрудняет международное сотрудничество в этой области [5, с. 45]. Различные определения киберпреступлений и установление государствами разнохарактерных санкций за них создает пробелы в правоприменении и позволяет преступникам использовать эти различия в законодательстве для уклонения от наказания и уголовной ответственности. В условиях современных вызовов и постоянного роста киберугроз страны БРИКС должны разработать эффективные механизмы для борьбы с киберпреступностью, что может включать в себя необходимость в унификации законодательства и создании общих стандартов и рекомендаций для определения виртуальных преступлений. Эффективная борьба с киберугрозой требует оперативного обмена информацией и создания

многосторонних платформ для взаимодействия между правовыми системами и уголовным законодательством различных государств [9, с. 45].

К сожалению, одной из наиболее серьезных проблем в странах БРИКС по сей день остается коррупция, что оказывает негативное влияние как на правоприменение, так и на общественное доверие к правоохранительным органам. Например, в России борьба с коррупцией является приоритетным аспектом для государственной политики, о чем говорят статьи Федерального закона "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ [2]. Тем не менее, несмотря на наличие законодательных норм в этой области, многие факты указывают на недостаточную эффективность их применения и возможное использование антикоррупционных инициатив в политических целях. Эффективная борьба с коррупцией в России и других странах-участницах БРИКС требует комплексного подхода, который включает в себя не только ужесточение законодательства, но и обеспечение независимости судебной системы, повышение прозрачности государственных процессов и активное вовлечение гражданского общества в мониторинг действий властей [5, с. 80].

На сегодняшний день уголовное право в странах БРИКС сталкивается с рядом вызовов, таких как глобализация преступности, коррупция, терроризм, проблемы нарушения прав человека и так далее. Для обеспечения эффективной и справедливой уголовной юстиции в этих странах необходимо принять комплексные меры, которые будут направлены на обеспечение снижения уровня правонарушений, что значительно улучшит уголовное судопроизводство в этих странах.

В современном мире, где преступность становится все более сложной и многообразной, особенно важно укрепить международное сотрудничество в области уголовного правосудия. Оно может быть достигнуто через подписание двусторонних и многосторонних соглашений о взаимной правовой помощи, которые создадут прочную основу для совместных действий. Обмен информацией о преступных группировках, а также

проведение совместных операций по борьбе с транснациональной преступностью позволят странам БРИКС более эффективно противостоять угрозам, исходящим от организованной преступности и терроризма. Кроме того, необходимо провести глубокий анализ существующих уголовных кодексов стран БРИКС с целью выявления их недостатков и пробелов [6, с. 33]. Адаптация законодательства к современным реалиям, включая такие актуальные проблемы, как киберпреступность и экологические преступления, станет важным шагом к улучшению правоприменения. Введение четких определений для новых видов преступлений, таких как финансовые правонарушения, позволит правоохранительным органам более эффективно реагировать на вызовы времени. Также следует обратить особое внимание на усиление мер по защите прав жертв преступлений, что будет способствовать созданию более справедливой и гуманной системы уголовного правосудия [7, с. 258].

Для того чтобы уголовное право применялось эффективно и справедливо, необходимо регулярно обучать сотрудников правоохранительных органов современным методам расследования и судебного разбирательства. Обмен опытом и лучшими практиками между странами БРИКС через семинары и конференции поможет повысить квалификацию правоохранителей, что, в свою очередь, приведет к более качественному и профессиональному выполнению их обязанностей.

Не менее важным аспектом является соблюдение прав человека в процессе уголовного судопроизводства. Для этого необходимо разработать стандарты, направленные на защиту прав как обвиняемых, так и жертв преступлений. Создание независимых органов для мониторинга соблюдения прав человека в системе уголовного правосудия станет ключевым шагом к обеспечению прозрачности и ответственности в работе правоохранительных структур. Внедрение современных технологий также может значительно повысить эффективность уголовного правосудия [8, с. 49-50]. Использование цифровых платформ для подачи жалоб и обращений граждан даст

возможность людям легко и быстро взаимодействовать с системой. Применение аналитических инструментов для выявления криминальных паттернов и прогнозирования преступности станет важным шагом на пути к проактивному подходу в борьбе с преступностью.

Наконец, устойчивое развитие и социальная политика играют ключевую роль в снижении уровня преступности. Инвестиции в социальные программы, направленные на борьбу с бедностью и неравенством, а также разработка программ реабилитации для осужденных помогут обеспечить их интеграцию в общество. Создание условий для социальной справедливости и равенства станет основой для формирования безопасного и стабильного общества, где каждый человек сможет реализовать свой потенциал без страха перед преступностью.

Таким образом, современные вызовы для уголовного права в странах БРИКС требуют комплексного подхода и активного сотрудничества на международном уровне, так как только путем совместных усилий можно справиться с транснациональной преступностью, киберугрозами, коррупцией и другими проблемами, влияющими на эффективность уголовного законодательства. Устойчивое развитие уголовного законодательства должно основываться на принципах защиты прав человека и социальной справедливости, что позволит обеспечить безопасность стран-участниц и их граждан, а также станет основой для более эффективного и справедливого общества в странах БРИКС.

Библиографический список использованных источников

Нормативно-правовые акты:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. // Официальный интернет-портал правовой информации. Электронный ресурс. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 12.05.2025).

2. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Электронный ресурс. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 12.05.2025).

Научные статьи

3. Акаева Б.А. Проблемы и риски динамичного развития стран БРИКС // Век глобализации. - 2017. - №1 (21). – С. 73-85.

4. Варлачева А.В., Попов Д.Г. Глобализация транснациональной организованной преступности // Вестник БелЮИ МВД России. - 2021. - №1. – С. 17-22.

5. Денисова Д.Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. - 2022. - №2 (17). – С. 40-53.

6. Морозова Ю. А. Международное сотрудничество стран - участников брикс в рамках цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2022. – С. 30-36.

7. Островский, Э. А. Международно-правовая концепция стран БРИКС по вопросам международно-уголовной юстиции / Э. А. Островский // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 января 2024 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 258-259.

8. Пелевина Е.С. Проблемы информационной безопасности стран брикс в контексте современных международных угроз // Terra Linguistica. - 2016. - №2 (244). – С. 49-51.

9. Попова Е.И. К вопросу о применении современных технологий в уголовном процессе в странах БРИКС // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2022. - №4. – С. 43-47.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№3

Июнь 2025 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2025